

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Чужаки

Тёмная фантастика

Андрей Арсланович Мансуров

Чужаки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66602168

SelfPub; 2021

Аннотация

Невероятное событие всё же произошло: спустя семь (!) веков после выхода в космос, и даже создания колоний на отдалённых планетах с пригодными для жизни условиями, человечество впервые встретило реально – инопланетный звездолёт! И какой! Поистине поражающий чудовищными размерами и массой! Однако эта гигантская конструкция никак не реагирует на выполненные согласно Правилам и Уставам попытки вступить в контакт. И вот смелые космопроходчики отправляются в разведку. Чтоб выяснить, что произошло на чужом корабле. И попытаться понять, почему корабль выглядит замураванным снаружи и покинутым своими же бывшими хозяевами... Разумеется, впереди – леденящие кровь и неожиданные приключения и нападения! И не все они останутся без последствий...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. «Шанс на попадание в книгу рекордов!»	4
2. Тамбур	23
3. «Сюрприз!..»	41
4. Носовой отсек	62
5. Второй отсек	77
6. Третий отсек	96
7. Третий отсек – продолжение	112
8. Рубка	125
9. Пирамида	138
10. Доказательства	154

Андрей Мансуров

Чужаки

1. «Шанс на попадание в книгу рекордов!»

Лежать, полуразвалившись в кресле, облокотив голову – на подголовник, а локти – на подлокотники, и закинув ноги в домашних тапочках и канареечного цвета протёршихся на пятках носках на панель главного пульта – самая тяжёлая работа из всех возможных.

Это и пытался внушить себе изо всех сил старший помощник, а проще говоря – просто второй по возрасту и рангу мужчина на «Королеве Монако», дипломированный инженер-электронщик Джереми Смит.

Делать вид, что сильно занят, и работа – наиважнейшая, приходилось поневоле: чтоб не спятить от банальной скуки. Потому что взгляд, направленный в огромный передний иллюминатор, отказывается фокусироваться на клубящейся сиреневой мутной мгле, имеющейся там во время прыжочков. А смотреть на сменяющую туман черноту, где-то в неизмеримой дали испещрённую крохотными точечками звёзд,

особого смысла тоже нет.

Так как за три секунды, пока корабль находится в обычном пространстве, автоматически настраиваясь на следующий прыжок, запомнить их расположение всё равно не удаётся: потому что меняется оно неузнаваемо каждый раз! Да и особого смысла запоминать конфигурацию, или искать знакомые созвездия, нет: не имеется здесь, в пучинах неизведанного пространства, таковых! И только астронавигатор компьютера может чётко и уверенно определить, в какой точке пространства они сейчас находятся, и в каком направлении, и на сколько парсек будет совершён следующий прыжок.

В рубку, традиционно намурлыкивая что-то себе под нос, вошёл самый старый – ну как старый: сорок шесть лет! – член экипажа: капитан. Лукас Хоффер. Джереми поспешил ноги с пульта убрать. И принять озабоченный вид, сосредоточенно глядя в передний обзорный экран.

– Тысячу раз говорил тебе, чтоб носки поменял.

– Да, сэр. Вы абсолютно правы, сэр! Носки давно пора поменять! – и, отставив нарочито испуганный и подобострастный тон, Джереми добавил уже нормальным голосом, – Ну и где я тебе здесь, в полумиллионе парсеков от Земных гипермаркетов, возьму эти самые новые носки? Эти и так – самые приличные из всех, что у меня остались! Даром, что цвет – идиотский! Эти твари из концерна «Вся-ваша-одежда-наша-забота!» всё делают так, чтоб оно разлезалось в мелкие

дребезги после второй, максимум – третьей стирки! Мы же не думали, что придётся ждать чёртовы незапланированные три недели, пока эти придурки не доставят остальное золото на борт!

– Не называй так наших нанимателей. Хотя, с другой стороны... Этих «придурков» тоже можно понять. Столкнулись они потому что, – капитан дёрнул плечом, – с «непреодолимыми силами стихии». А проще говоря – с обвалом. – Хоффер подошёл к панели бортовых систем, чтоб лично убедиться, что все их контрольные диоды горят зелёным.

– Вызванным их же безмозглыми действиями! Надо думать, чего взрываешь! И – где! И не обвалится ли от сотрясения вся остальная чёртова незакреплённая кровля штольни!

– Кончай это дело, Джи. Мы это уже сто раз обсуждали. Чтоб сделать нормальный крепёж свода – нужно потратить силы. И средства. И закрепить эти «чёртовы» трескающиеся граниты – сталитовыми щитами и распорками. А они, сам знаешь – дорогие.

– Ага. Ты ещё скажи, что они готовы рисковать и жертвовать своими чёртовыми жизнями, только чтоб купить на чёртово золото пропитание их чёртовым семьям!

– Ну, так я, конечно, не скажу... Кончай, кстати, чертыхаться – это добром не кончается, сам знаешь... – капитан теперь бегло просматривал выведенный на боковой экран маршрут, проложенный астронавигатором, – Но оговорённый в Контракте чистый вес они клиентам поставить долж-

ны. Чтоб те выдали им положенную сумму. Нужную для того, чтоб погасить проценты по кредитам. Да и закупить себе того, чего нужно.

Потому что кто же знал, что пшеница, соя и кукуруза на Вестре-шесть за каких-то двадцать лет мутируют из-за какой-то там неучтённой хрени в почве. И вырождаются в жалкую и малосъедобную пародию на эти злаковые, зерновые и кормовые...

И что придётся нашим доблестным колонистам, чтоб хоть как-то выжить, и чтоб было, на какие шиши закупать на Поллуксе-два нормальные продукты для еды, и семена овощей, и саженцы фруктовых деревьев для посадки, добывать золото в шахтах! А Вестра никогда не рассматривалась, как планета для добычи минерального сырья и драгметаллов!

Так что я думаю, мы простим этим потомственным фермерам их абсолютную неграмотность в шахтёрском деле. Как и желание хоть как-то заработать на прожитьё. Тем более, что и сами заняты именно этим!

– Да простить-то мы простим, конечно... (Хотя я бы на их месте просто свалил с этой дурацкой планеты к такой-то матери!) Тем более, что нам, вольным наёмникам и искателям приключений на ...опу, спешить при *имеющейся* работе особо некуда... Фрахт золотишка можно доставить, не ограничивая себя жёсткими сроками. Но...

– Ну, договаривай.

– Но Памелла в качестве моей походной супруги и себе-

седницы начинает меня понемногу... Или – не понемногу – доставать!

– Да, я догадался.

– Это как?

– Да вы же вчера полночи так орали, что разбудили бы и мёртвого! Лара ближе к концу «шоу» сказала мне, чтоб я пошёл и попробовал вас уговорить, даже применив, если понадобится, огнетушитель – а то страсти накалились до белого каления!.. И как ни занятно вас слушать, но всё хорошо в меру. А так – спать, дескать, не даёте!

Это ещё повезло Карлу и его Наташе: они несли вахту. И им спать не полагалось.

– Хм-м... Не думал я, что мы орали уж *настолько* громко. И страстно. И долго. Полчаса – не больше! А потом она просто выдохлась!

– А ты – оптимист. Ну, или счастливчик – это они «часов не наблюдают».

Час восемнадцать по моим часам.

– Хм-м... Не знал, что она такая упрямая. И выносливая. Полтора часа ора мне выдерживать действительно – уже тяжело. Старый становлюсь. Нервный. Устаю быстро. Морально. Ну, тогда это – ещё один повод нанять на должность техника систем охлаждения реактора – девушку помоложе. И посимпатичней!

– Ничего не забыл? Те, что посимпатичней и помоложе – и стоят подороже! Тебе охота, чтоб их пай в общем котле

превышал даже твой?

– Знаешь, – Джереми казалось, что он уже почти не кричит душой, – Ещё один такой скандал, и я соглашусь даже на Горгону-медузу. Дорогую. Лишь бы была немая!

– Ха-ха-ха! – капитан нарочито издевательски посмеялся. Потом сделал тон серьёзным, – Бреешь как всегда – как сивый мерин. Мы с тобой и Карлом гоняем нашу посудину по космосу уже девять лет. И если мы с Карлом выбирали себе «подруг» на их штатные должности – по деловым качествам, и уж только потом – по внешним данным, ты всегда поступал с точностью до наоборот! Лицо тебе, понимаешь ли, «должно нравится»!

И фигура должна быть – «секси»!

А уж специалистка она или – бездельница, обычно выяснялось только потом.

И если мы со своими последними летаем уже лет... м-м... Я – семь, Карл – пять, то ты – меняешь девушек, как перчатки. Практически каждый рейс! А-а, нет: Диана задержалась на три раза! Но потом просто послала тебя, назвав, насколько помню, козлом и похотливым дебилом. Неудивительно, что твои «однодневные сексапильные бабочки» не уживаются нормально с нашими, так сказать, «штатными» походными!

Понимают же, что первый рейс с тобой скорее всего окажется и последним! Уж на бирже-то трудовых ресурсов посмотреть твою анкету – без проблем!

Джереми почесал пятернёй с ногтями в траурной окантовке коротко стриженный затылок. Наиграно тяжело вздохнул:

– Ну вот такой я невезучий в плане личной жизни! Надо было ещё тогда, в самый первый раз, не выделываться, а оставить Минну. Она хотя бы молчала.

– Потому что была гораздо умней тебя. И твоё традиционное периодическое ворчание и придирки попросту игнорировала. Что не могло тебя не бесить.

– Ну... Какая-то сермяжная правда в твоих словах есть. Находит иногда... Да, собственно, как и на каждого нормального мужика! Но согласишься: это унижительно, когда техник – умней штатного *члена* экипажа!

– Вот уж нет! В этом как раз ничего «унижительного» я не вижу. А вот то, что она была и старше, и опытней, и АйКью у неё был на двенадцать пунктов выше твоего – это аргумент! Которым ты тоже воспользовался, чтоб списать её на берег!

– Да дурак был!

– А почему ты говоришь об этом в прошедшем времени? Можно подумать, обширный «сексуально-разговорно-развлекательный» опыт контактов с наёмницами повысил твой уровень интеллекта? А проще говоря – тебя хоть чему-то научил?

– Тьфу на тебя, Хоффер. Свинья ты редкостная. Нет в тебе ни чуткости, ни романтики!

– А-а, так это романтика заставляет тебя перебирать дам

– как ложки в лотке со столовыми приборами? Или уж – любовь к «свежим ощущениям»?

– Да ну их на фиг, такие «свежие ощущения»! Говорю же: ещё пара скандалов – и вообще в следующий рейс полечу один! Или с пластиковой куклой!

– Смешно. И мне, и тебе. И Карлу будет, если заикнёшься. Это же ты у нас – самый «активный». Любвеобильный. Душой молодой. И тебе подай – «только живых»!

– Да уж... – Джереми снова закинул ноги на пульт, а руки – за голову, и мечтательно ухмыльнулся, – Эх, где вы, наивно-радостные и радужные юные годы?! Когда все девушки – прекрасны как королевы и желанны, а впереди – блестящие перспективы?! Всё промелькнуло, словно!..

Как именно оно промелькнуло, Хофферу узнать не пришлось: корабль в очередной раз вынырнул в обычное пространство, и тут же рубку наполнили визгливо-пронзительные гудки зуммера экстренного торможения!

Развернувшаяся на сто восемьдесят градусов «Королева Монако» явно тормозила маршевыми во все свои допустимые для конструкции двадцать три Же, и если б не гравикомпенсаторы, друзей точно расплющило бы о заднюю переборку: Джереми, разумеется, не пристегнулся, как полагалось на дежурстве по Уставу!

Хоффер, сразу посерьёзнев лицом, плюхнулся на капитанское кресло. Нахмутив кустистые брови, щёлкнул тумблером включения питания основных приборов. Его поло-

винка пульта ожила, покрывшись светящимися или мигающими индикаторами и ожившими экранчиками дисплеев.

– Так. Экстренное торможение, если верить директивному дисплею, «в соответствии с ситуацией два-десять». Чёрт. Не помню, что это. Матильда?

Приятный женский голос зазвучал с потолка:

– Ситуация два-десять – это действия экипажа в соответствии с директивой Совета Федерации от 5 декабря 26... года. Приказывающей всем без исключения кораблям уравнивать скорости, и попытаться вступить в контакт с находящимися в космическом пространстве кораблями. Принадлежащими иным цивилизациям. Оказавшимся в пределах зоны непосредственного обнаружения детекторами земных кораблей.

– И – что?! Мы – в «пределах»?!

– Совершенно верно. Вывожу на экран внешний вид объекта, который мои аналитические программы идентифицировали как искусственный. И, конкретней – как инопланетный корабль.

На центральном экране появилась яркая точка, переданная кормовой камерой.

Сзади, из-за спин, донёсся топот торопливо приближающихся шагов. Первым в рубку вошёл, понятное дело, Карл – ему не нужно было «приводить себя в порядок», чтоб «не ударить в грязь лицом», как женской составляющей экипажа.

– Что за шум, а драки нет?

– А погоди немного. Возможно, придётся лезть и в драку. – Хоффер наконец отключил бьющий по нервам звуковой сигнал, – У нас – инопланетный корабль!

– Да ну вас на фиг! Хорош прикалывать. Такого отродясь ни с кем не...

– Мы не прикалываемся. Его засекла Матильда. Ну, вернее, засекли-то – детекторы, а Матильда – идентифицировала.

– Хм-м... – Карл Брюер, сорокалетний белобрысый и кудрявый немец из Баварии, опустил в кресло штурмана, и развернул его к главному экрану, – И вот это – оно?

– Оно самое.

– Не слишком-то хорошо его видно.

– А видно его пока вообще – никак. Это – воссозданный Матильдой образ. А засёк его банальный металлодетектор. – Хоффер постучал по экранчику прибора перед собой, – Насколько я понимаю ситуацию, Матильда права. Не попадались ещё человечеству астероиды из чистого хромисто-никелево-стального сплава. Да ещё массой в четыре с половиной миллиона тонн!

– Ого! Надо же... Если так – то это повод отпраздновать! Как бы там ни было – а теперь-то мы точно – прославимся! – Джереми потянулся всем своим жилистым телом без единого грамма жирка, – И я свою долю от премии за эпохальное научное открытие намерен потратить – на виллу на

Канарах-три, и... Молоденьких девочек!

По затылку Джереми ощутило заехало: это вошедшая в рубку Памелла треснула его взятым с полки Звёздным атласом триста сорок второго издания:

– И не думай! Если вы нашли чего стоящего, я от тебя никогда не «отвяну»! И никаких других «девочек» тебе не видать, как своих ушей!

– Так ведь ты сама, только вчера!..

– Мало ли, что там было вчера! Если тебе, как «члену», положена Премия, так уж мне, как твоей контрактной походной жене – положена в ней доля!

Рука Джереми сама потянулась к «вразумлённому» затылку, и почесала его. Карл с Хоффером переглянулись. Карл заржал, как жеребец:

– А повезло тебе, дружище, с «контрактной женой»! Сообразительная попалась! И подкованная! В законах!

– Ну, и красивая, конечно! «Сексапильная»! – это масла в огонь подлил выглядящий, впрочем, уже вполне серьёзно, и спрятавший ухмылку в усы, Хоффер.

– Свиньи были, свиньи и остались! – но несмотря на игриво-ироничный тон заметно было, что внутренне Джереми подобрался. А ещё бы! Доля в заработанных дивидендах его «контрактно-походной» жене и правда – полагалась. Впрочем, как и «походным», а сейчас – почти постоянным жёнам остальных «членов», которые как раз вошли в рубку.

На правах жены старшего по званию первой заговорила

Лара:

– Мы слышали зуммер экстренного торможения. Что – не так?

– Да всё, вроде, так, ласточка моя ненаглядная, – капитан попытался игривым тоном сбить деловито-серьёзный настрой женщин, – Просто возникла ситуация Два-десять.

– Хватит острить, Хоффер. – Лара сразу рассердилась, – За всё время с момента выхода чёртова человечества в космос никому ещё ни разу не попадалось *чужого* корабля!

– Ну, значит, занесут нас в книгу рекордов Гиннеса во-семьсот двадцать второго издания! Прославимся! В «анналы» запишут!

Потому что именно так сказала *Матильда*.

– Да-а?! – походная супруга капитана поторопилась встать за его спиной, и нагнуться к приборам, – Чтоб мне провалиться! Наташа! Представь?! Он не прикалывается!

Женщина Карла за это время подтащила из угла обычный стул, и села на него, расположившись чуть сзади и справа от своего «походного» мужа. Ногу закинула на ногу. Откинула голову назад, расправив и распустив по плечам густые и длинные смоляные волосы – предмет её гордости. И пожала плечами:

– Матильда не включила бы зуммер, если б не была уверена. Она же – не мы! То есть, первоапрельским синдромом не страдает!

Все, кроме Памеллы, невольно поусмехались: отлично

помнили, как на прошлый праздник «дурака» Карл организовал им «встречу» с омерзительным монстром: пауком-черепахой с Каттагея. Голографическим, разумеется. Но от этого – не менее жутким!

Хоффер тогда настолько разозлился, что собирался даже вычесть из доли Карла за испорченные штаны и нижнее бельё... Но, подумав, решил, что встряска их заплесневелого и мирного мирка пошла на пользу: женщины оставшуюся часть рейса не ворчали, и не придирались по мелочам (что само по себе было признаком того, что затянулся рейс). А переключили внимание на решение насущных бытовых проблем. Так как очень много посуды оказалось испорчено, и стен – испачкано: чашками и тарелками кидались во внезапно появившееся на камбузе существо.

А уж Карл запрограммировал его так, чтоб оно уворачивалось, отступая.

– Ладно, теперь, когда мы знаем, в чём дело, каковы наши планы?

– Ты имеешь в виду, Памелла, что мы будем дальше делать?

– Именно!

– Хм. Это же ты у нас – специалистка по Законам и Устам. А там всё чёрным по белому прописано: что *положено* делать в таких случаях!

– Сейчас, минуточку... – Лара наклонилась, перегнувшись через плечо своего мужа, и ткнула пальцем с сиреневым ма-

никюром в дисплей. Поводила по появившимся строчкам, – Ага: вот. Предписывается сблизиться, уравнять скорости. И пытаться установить контакт. Световыми сигналами, по радио, на всех диапазонах, и даже махать через иллюминаторы платочками. Шучу. Махать не надо. – на вскинувшуюся было Наташу Лара посмотрела с хитринкой. Памелла фыркнула:

– Что там пишут про дивиденды?

– Про дивиденды пишут, что положено – двадцать процентов оценочной стоимости. Дополнительные премиальные – на усмотрение Правительства Федерации. В зависимости от научной ценности обнаруженного артефакта.

– То есть – кроме законного – шишь чего получим?!

– Да нет, шансы есть. Конечно, получить-то мы положенные двадцать процентов – получим... Только, похоже, не скоро.

Потому что будто ты не знаешь, как такие дела делаются! Мы посылаем радиogramму, или сообщаем сами, приземлившись на ближайшей планете, что гораздо быстрее, в местное представительство Федеральной Администрации. Оформляем нотариально наше Заявление. Глава администрации запрашивает Руководство. Через послание на Государственном корабле. Совет Федерации думает. Думает. Сообщается. И присылает сюда Комиссию. По изучению. И та начинает это самое изучение. Которое обычно, для, например, новооткрытых «пригодных» планет составляет до пяти

лет... А с кораблём... Думаю, побыстрее всё же будет: управятся за каких-то года три. И определяют его стоимость – в деньгах. И пусть даже определяют просто – как банальный металлолом – всё равно нам до конца жизни хватит! Когда выколотим.

Ну а потом мы начинаем обивать пороги официальных же инстанций, собирать справки для казначейства, доказывать, что это мы – первыми обнаружили, о чём имеются и официальные и нотариально оформленные заявления, акты, протоколы, заключения...

Короче: пока оценят в деньгах стоимость находки, и мы реально добьёмся выплаты наших законных двадцати процентов, может пройти лет девять-десять. Не говоря уж о «премиальных». Дожить бы.

– Проклятье! – Карл сжал кулаки в воздухе, наиграно сердясь, – Всё – как в той притче про Насреддина Афанди!

– Ну-ка, ну-ка!

– Там Афанди подписался перед падишахом за десять лет и за мешок золота научить любимого ишака падишаха – читать. А когда жена Афанди спросила, не идиот ли он, желающий сложить голову на плахе, он ответил, что беспокоиться не о чем: за десять-то лет – или ишак, или падишах – !.. А мешок золота останется!

Ну а вот у нас до мешка, похоже, просто не дойдёт... Я десять лет не проживу. У меня работа нервная. И жена – драчливая.

– Ладно, умники вы наши, и любители притч, – Наташа как всегда вернула всех к конкретике, – Лучше скажите, что мы делать будем, когда действительно «уравняем скорости», и закончим выделяться с положенными «сигналами»?

– То есть – ты уже заранее предположила, что никого мы там живого и отвечающего на наши потуги – не встретим?

– Чтоб до этого дотумкать не нужно быть семи пядей во лбу. Потому что мы давно получили бы оттуда какой-нибудь сигнал. Хотя бы опознавательного дежурного маяка. Матильда! Есть там хоть что-то?

– Нет, Наташа. Никаких сигналов объект не подаёт.

– Что и требовалось доказать. Кстати. Вот: чтоб я не рылась в бумажках: что говорится в Уставе Космофлота? И Законах Федерации? Можно нам – внутрь найденного корабля – лезть?

– Э-э, минутку! – это влез возмущённый Джереми, – Ты что же?! Предполагаешь, что мы будем настолько идиотами, что полезем внутрь?!

– Если Матильда скажет, что это незаконно – настаивать не буду. Матильда?

– Как ни странно, в Законодательстве Федерации и Уставе Космофлота такие действия не запрещены. Могу предположить, что никто в период, когда эти документы составляли и утверждали, не верил всерьёз, что такие ситуации случатся. Единственное, что написано конкретно: «Если в отношении земного корабля будут производиться опасные или

агрессивные действия, разрешается применять оружие для адекватного ответа!»

– Вот оно как. Это должно согреть мою душу. Хоть это нам оставили. – Джереми криво усмехнулся. Памелла похлопала его по плечам – похоже, пыталась таким образом подбодрить. Но Джереми почему-то не «подбодрялся». А так и сидел с постным лицом.

– Ладно. Подведём итог. Предложение Наташи считать интересным и разумным. И если корабль действительно окажется покинут... Или сканирование покажет, что его экипаж... хм... отправился в лучший мир, провести общую разведку на его борту, осуществить видеозапись, и по возможности составить первичный отчёт, считаю разумным. Матильда. Запиши это, как моё официальное мнение. Капитанское.

Примечание: запрещаю тем, кто пойдёт в такую разведку, трогать там хоть что-то! А уж тем более – брать что-либо «на память»!

После того, как через пару часов ожидания, которое, впрочем, скрасили обедом, «уравняли» скорость, и развернулись снова носом, объект стал виден прекрасно.

Огромный, действительно монументальный, и частично разрушенный метеоритными бомбардировками чёрно-серый, и словно обросший водорослями, корпус, поражал. В длину он достигал двух с половиной километров, и в диамет-

ре был метров пятиста, при общей сигарообразной форме. «Водорослями» оказались тросы и кабели. Оборванные.

А вот антенны, метеоритные пушки, видеокамеры, и прочее наружное оборудование, к которым они по-идее когда-то шли, на своих штатных местах отсутствовали: словно корабль продирался через какие-то узкие пространства. Или – тоннели. (Хотя что это могли быть за «тоннели», оставалось только догадываться...)

И, разумеется, Наташа оказалась права: ни на сигналы лазером, ни на моргания главным прожектором, ни на призывы на всех доступных радиочастотах никто не откликнулся.

– Матильда. Можешь просветить корпус? Что – там?

– Просветить не могу. В защитных слоях наружной оболочки есть несколько непрозрачных для любого вида излучений, материалов.

– Чёрт побери. Универсальная защита, стало быть. Как у нас. Значит, лезть-таки придётся... Ну, как будем определять, кто пойдёт? – Джереми пошкрёб плохо выбритый подбородок, – Путём вытягивания коротких спичек, или пошщем добровольцев?

– Очень смешно. – Хоффер, подавшись вперёд, изучал видеоизображения корпуса, которые передавал он-лайн зонд, посланный в облёт корабля, – Ничего не забыл?

– А что?

– Я тут капитан. Я и *назначу* «добровольцев». В соответствии с реальной квалификацией и потенциальной полезностью.

стью отправленных. Вот: смотрите сюда. Здесь – явно шлюз. И люк. А вот это, – Хоффер ткнул пальцем, – явно штурвал для аварийного открывания. Значит, в нашей «делегации» разведчиков должен иметься хотя бы один сильный мужчина. Другой мужчина нужен на тот маловероятный случай, если там, внутри, сохранилось что-то живое. И агрессивное. Для прикрытия остальных разведчиков.

Ну и нужен, конечно, биолог. И археолог. Для изучения того, что выжило. И не выжило.

2. Тамбур

– То есть – идти так и так придётся мне. – Лара подула на упрямую прядку волос, всегда лезшую ей на карие глаза, – Поскольку я тут – биолог. Плюс врач.

– Археолог из меня, конечно, аховый. – Джереми пожал плечами, – поскольку я – простой любитель. Закончивший курс общей истории заочно. Хоть и в Йеле.

– Зато ты – единственный из нас, кто хоть что-то понимает в этом деле. Мои представления об археологии ограничиваются тем, что там нужно просеивать груды мусора и песка через сита из стальной сетки. – Хоффер продолжал смотреть на передаваемое изображение, – Будь оно всё неладно! Или я – японец, или других входных люков нет!

– Не может этого быть. Всегда есть запасные. На случай экстренной эвакуации. Или погрузки товаров и продуктов. Ну, или просто – для технического обслуживания.

– Ты, конечно, молодец, Памелла. Но вот они: изображения! Хотя... Матильда!

– Оцифровывание и обработка изображений с зонда показали всё предельно чётко. Имеется не менее двенадцати других люков, в том числе и явно – для выхода челнока или челноков из ангара. Но они закрыты и запечатаны наглухо. Снаружи.

– В-смысле – «запечатаны наглухо»?!

– Их крышки тщательно и герметично приварены к корпусу. Снаружи.

– Что за... Хм. А что там – с движками?

– Их нет. Консоли, которыми могли бы крепиться двигатели к корпусу в кормовой части – перерезаны. И трубопроводы, по которым подавалось горючее – тоже заварены.

– А знаешь, Хоффер, мне это начинает не нравиться! – в тоне Лары присутствовал если не открытый страх, то неприкрытое опасение, – Потому что уж слишком похоже, что кто-то хотел лишить тех, кто внутри, возможности наружного обзора. И выхода! Не говоря уж – о подать сигнал «СОС».

– Думаю, резон в твоих предположениях есть. Потому что консоли антенн, видеокамер и даже пушек тоже – того. Явно перерезаны. Чем-то вроде автогена. То есть – маломощным и ручным! Уж больно неровные срезы! – Хоффер вернул, покрутив рычажком настройки, изображение назад. Стало заметно, что консоли чего-то крупного, вроде основного носового наружного радара, перерезаны именно так, как он и сказал, – И вот ещё что, – его палец продолжал крутить запись назад, – Вот! Пусть люк в носу и не заварен, зато рычаг, ну, вернее – штурвал, который явно нужен для аварийного ручного открывания этого люка вручную, заблокирован. Вон той здоровущей штангой!

Всем действительно стало видно, что блокирует от поворотов примерно метровый в диаметре штурвал толстенная

стальная труба, концами упирающаяся в углы кубообразного тамбура, в котором почему-то отсутствовала наружная створка.

– Не нужно быть гением от аналитики, чтоб вычислить. Что натворили делов обитатели этой посуды. Там, внутри. А затем пытались спастись, и спасти остальных соплеменников-сопланетников, запустив корабль подальше в космос, и забаррикадировав и заварив выходы. Чтоб зараза, которую они там понасосздавали, не вылезла!

– А почему ты, Лара, думаешь, что они там чего-то «понасосздавали»? И это именно – «зараза»?

– А потому, что я, если вспомнишь – биолог. А эта посуда на уж больно похожа на лабораторию. Военную. Секретную. *Отлично* изолированную от внешних факторов. (Вспомни многослойную защиту от всех видов излучений!) Бронированную. И тот факт, что её даже не пытались простерилизовать, или «зачистить», говорит о том, что в данном случае огромными бабками, которые она могла стоять, решили просто – пренебречь! Как допустимыми потерями! В связи с огромной опасностью того, что развелось... ну, или вырвалось на свободу! Там, внутри.

Ну как? Ещё не пропало храброе желание попробовать залезть?

– Н-нет... Потому что наверняка оно там, внутри, давно подсыхало! Вот: кстати! Матильда! Сколько лет посудине?

– Зонд только что отобрал пробу металла. Минуту, вклю-

чу его масс-спектрометр... И анализатор. Готово. Около восьми тысяч. Плюс-минус пятьсот лет.

– Ну вот! Видишь, пессимистка ты наша?! За восемь тысяч лет наверняка сдох их реактор, ну, или что там питало их бортовые цепи. И внутри – полная темнота. И минус любимых двести семьдесят три по Кельвину. И, скорее всего – космический вакуум! Потому что даже самые лучшие прокладки за такое время сгнивают! И воздух – того!

– Воздух-то оттуда мог, конечно, и правда – «того»! Даже за счёт простой диффузии. Но! Не могу не напомнить, что споры, например, сибирской язвы, сохраняются даже в вакууме и при абсолютном нуле жизнеспособными – до тысячи лет!

– Ну а здесь – прошло восемь! – Хоффер начинал сердиться.

Лара не сдавалась:

– А ты – вот лично ты! – можешь дать гарантию, что местные умники в белых халатах не создали чего-нибудь более живучего и смертельно опасного?!

– Нет, конечно... – Хоффер, надув губы, чуть сбавил тон, – Но шансов на то, что оно, чем бы оно ни было, сможет отравить, заразить, или даже сожрать организмы с совершенно чуждым строением и генетической основой – нулевые!

– С чего это ты так в этом уверен? А, может, тут притаился кто-то навряде того «универсального» монстра, что описан в книге и показан с старинном фильме «Чужой»?!

– Эк вас всех впечатлило это старье... – Хоффер трижды сплюнул через левое плечо, – Бред это всё. Бред сивой кобылы! Не бывает – «универсальных» хищников! Ты же у нас – биолог. И лучше нас всех должна понимать, что шансов на то, чтоб общие принципы устройства генотипа тех, кто тут работал, совпали с нашими – ноль целых хрен десятых! И чего бы тут не ждало, оно не сможет сожрать... ну, или заразить нас – не сдохнув само! От заворота кишок! Ну, или сожранное нашими антителами. Или заражённое – нашими микробами! И бациллами.

Зря, что ли, нам все эти прививки делают?

– Так то оно – так... Да только всё равно – страшно. Да и глупо рисковать лично, когда можно подстраховаться! Так что, любимый, лучше пошли аватаров!

– Какая ты у меня мнительная... А аватары, между прочим – денег стоят!

– Зато аватары – восполнимы! А вот мы – нет!

– Так – что? Мы сможем всё наблюдать только через их видеокамеры?! И даже не сможем ничего там пощупать? – Памелла разочарованно покачала головой, – Скучища! А так было бы интересно побродить по чужому кораблю! Поискать каких артефактов, прикоснуться к разным странным предметам и приборам. Ощутить атмосферу древней тайны! Может, там найдутся какие картины или фотки – увидели бы *этих* воочию!..

– А что? Хорошая мысль. Давай тогда – иди вместе с ава-

тарами!

Джереми треснули по затылку ещё раз. На этот раз ладошкой:

– Скотина бесстыжая! Боишься сам меня пришибить, как грозился, вот и хочешь послать на верную гибель?!

– Ну и что такого?! Одной рыжей больше, одной меньше – фигня по сравнению с Мировой Революцией! Зато мне тогда за тебя выдадут твою страховку – как контрактному мужу. Бывшему.

– Не дождёшься, дебилоид похотливый!

– Отставить бить первого помощника по голове! – Хоффер грозным тоном предотвратил ещё один удар по затылку, на этот раз – кулаком, – Это и без того его слабое место. А кроме того ты, Памелла, не пойдёшь в любом случае. Ни в живую, ни на борту аватара. Как я уже сказал, пойдут специалисты. У которых есть хоть крохотный шанс. Разобраться.

То есть – Джереми и Лара. Ну и я. Я всё-таки – морпех. Хоть и бывший. Прикрою как-нибудь. Если там всё же не бактерии-вирусы, а кто-то нормальных размеров. Хищник.

– Так в том-то и заковыка, капитан. Не сможешь ты там ни в кого пострелять, даже если на нас действительно – нападут!

– Это почему ещё?

– Потому что если пустим аватаров – они же не люди! То есть – даже если им кто-то будет угрожать, пусть и смертью – это не угроза *нашим* жизням! А защищать «оборудование»

корабля – отстреливаясь – незаконно!

Хоффер криво усмехнулся:

– Матильда, солнце моё. Будь добра: воспроизведи ещё раз, что там сказано в законе! Насчёт «адекватного ответа».

– «Если в отношении земного корабля будут производиться опасные или агрессивные действия, разрешается применять оружие для адекватного ответа!»

– Спасибо, ласточка наша! Видишь, дубина? Нигде не сказано про наши «жизни», или, там, целость аватаров. И поскольку аватары – часть оборудования корабля, агрессию в отношении их можно автоматически считать агрессией и против нас всех! И корабля!

То есть – постреляю! И – с большим удовольствием! А то скучновато у нас на борту. Даже подраться от души не с кем... Ну, если не считать Памеллы, конечно! Но она – исключительно в твоём личном распоряжении!

Лара взяла том карт, который Памелла отложила. От души приложила к спине Хоффера:

– А правильно Джереми говорит: свинья ты редкостная! Так ты действительно собрался со мной – драться?! А то смотри: я тебе устрою «скучновато»! Повыдергаю твои жиденькие волосёнки на лысине!

– Ну и дела творятся на борту «Королевы Монако». Полное падение дисциплины, и попрание авторитета капитана. Его любимой походной женой. Если так пойдёт и дальше, придётся увольняться в запас и отсюда... – Хоффер покачал

головой, но вдруг убрал кривую ухмылку с лица, – А теперь – довольно!

Пошутили и хватит. Мы – хоть и не официально, но представляем здесь – Землю! И выглядеть идиотами не должны даже перед самими собой! Поэтому.

Приказываю: остающимся на борту – заступить на вахту. Отправляющимся – проследовать в операторскую. И приступить к загрузке в аватары. И – в челнок. И – вперёд!

Возразить никто и не подумал. Поскольку когда капитан переходил на серьёзный тон, шутки и попытки возразить были уже неуместны. Железобетонный нрав и отличные мускулы Хоффера знали и уважали все. Кроме, разве что, Памеллы. Но и она чуяла настрой капитана – пересаживаясь в кресло первого помощника, помалкивала.

В операторской аватаров на полу имелся даже небольшой слой пыли.

– Матильда! Почему на борту – беспорядок? Где эти чёртовы роботпылесосы?

– Я их сюда не впускала в соответствии с вашим личным распоряжением, капитан!

– Напомни-ка.

– Вы сказали, – включилась запись, и голос Хоффера сказал: «Пока не пользуемся – пусть никто сюда не суётся! Матильда! Запри помещение! И никого не пускай без моего разрешения!»

– Хм. Было. Отпираться бессмысленно. Ладно: теперь пусть всё же приберутся. Но! Только после того, как мы закончим нашу миссию! И покинем операторскую.

– Есть, капитан.

Хоффер прошёл к среднему, самому большому, подвесу, и влез на ступеньку перед тремя стальными кругами, образующими капсулу «глобальной подвижности». Если честно, он уж и забыл, когда они в последний раз пользовались аватарами. А, да! Пользовалась очередная женщина Джереми – когда четыре года назад ремонтировала первый контур реактора: иначе им всем не поздоровилось бы!

Аватара тогда, понятное дело, пришлось выбросить, прямо в космос: иначе он заразил бы весь корабль жуткой остаточной дозой... «Королева Монако» отделалась лёгким испугом, а все они – просто вкололи средства от лучевой болезни... А Хоффер уже даже с трудом вспомнил, как эту женщину звали. Кажется, Ханна. Или Ганна? Э-э, не суть. Главное – специалистка она оказалась действительно неплохая, и реактор починить сумела. На совесть. Вон: до сих пор гудит!

– Чур, я на левом! – Джереми действительно влез в левый подвес, и принялся спешно застёгивать ремни, и защёлкивать защёлки – словно и правда думал, что Лара на работавший мягче и быстрее аппарат целится, и сейчас его из этого обвеса попрёт.

Женщина, деланно подкатив глаза к подволку, вздохнула:
– Не претендую. Тем более, он рассчитан на более круп-

ную фигуру, чем моя – божественно стройная и миниатюрная!

– Это кто тут – миниатюрная?! Миниатюрная была моя... э-э... Шестая! Или – седьмая? Короче: Ниночка! А вот ты – за эти годы очень даже поправилась! Талия подзаплыла, да и филей... Если б не боялся, что Хоффер мне накостыляет, сказал бы, что – ого-го! Видать, питание от нашего автоповара тебе – впрок!

– На себя посмотри, скотина разожравшаяся! – Лара фыркнула, – Это ты прибавил: за последние пять лет стал весить добрый центнер – не меньше!

– Ну так это – не жир. А сплошные мышцы! Потому что всё время провожу полезные и укрепляющие организм физические процедуры!

Хоффер не вмешивался в перепалку – знал, что шуточки и приколы, скорее, традиционны, чем действительно справедливы. Понимал и то, что его напарники, как и он, просто нервничают. Поскольку тоже давно не влезали в «средства крайней необходимости».

Последнее оружие. Фронтир. Механизмы, готовые принять на себя первый удар. Или воздействие агрессивной среды. Или... Смерть!

Он тоже закончил застёгивание и прилаживание, и взялся наконец за шлем, представлявший собой невероятно сложное и дорогое устройство – фактически вдвое более дорогое, чем сам аватар.

Аватар. Механоидное воспроизведение человеческого тела, с повышенными физическими характеристиками. Без индивидуальных черт на стандартном равнодушном пластиковом лице. Без половых органов. Без вредных привычек. Без страхов и сомнений. Они свойственны только его оператору.

Шлем, оказавшись на голове, замигал разноцветными – преимущественно красными и жёлтыми! – огоньками светодиодных индикаторов. Когда Хоффер застегнул наконец подподбородочный ремень, и зазор исчез, все они сменились зелёным.

Зашипело. Это из вспомогательной зоны шлема полезли фиксаторы. И вот уже его голова и череп охвачены плотно и мягко. Тоненько запыкал индикатор: нанотрубки полезли! Скальп закололо. Но это ощущение быстро исчезло. Вдруг пропало зрение и наступила темнота – словно мозг отключился на секунду! Чувство собственного веса, импульсы от конечностей и тела – тоже пропали!..

Но вот – вспышка света! И басовитое мощное «Бум-м!»

Зрение и слух вернулись! И руки и ноги он снова – чувствует!

И он – в капсуле! Впереди – дверь со смотровым иллюминатором, вокруг – поддерживающие штанги и кронштейны!

Незабываемые, конечно, ощущения... Он невольно пошевелил пальцами рук и ног: каждый раз – как впервые!.. Но предаваться ностальгии некогда. Надо работать.

Он потянулся правой рукой к рукоятке двери. И распах-

нул её.

Поёрзал телом – слез с кронштейнов и подвеса. Осмотрелся. В тесной кабине, куда выходят двери капсул аватаров, пока больше никого. Он развернулся лицом к ряду дверей. Интересно. Из каких отсеков вылезут его напарники. Впрочем, Матильда предсказуема. Если он вылез из первой, остальные соответственно выйдут – из второй и третьей. А всего на борту осталось семь запасных «расходуемых приборов».

Первой выбралась наружу Лара. О чем и сказал ему наушничек, встроенный в ушную раковину аватара и самого Хоффера:

– Хватит пялиться. Нет у этой штуки божественно упругой и пикантной груди. И того, что ты так любишь.

– Вот наверное именно из-за того, что при пользовании первыми моделями происходили всякие мерзости, и разврат, из бедных аватаров и убрали эти... Излишества! – откровенно прикалывающийся Джереми распахнул дверь своего отсека рывком, и Хоффер вынужден был чуть отклониться в сторону, чтоб его не задело.

– Ну, коллеги, как ощущения? Всё в порядке?

– Нет. Меня тошнит.

– Хватит прикалываться, первый помощник. Это вам откосить от миссии не поможет!

– Да знаю я, знаю... Ладно. Всё в порядке. Вроде. Но у меня и правда – чешется и свербит в носу! Может, это от пыли?..

– Ничего. В вакууме это пройдёт. Выдвигаемся.

В ангаре было всё как всегда: режущий глаза ослепительно холодный свет ультрафиолетовых ламп, предназначенных для дезинфекции помещения и людей в скафандрах. Ну и аватаров. Которые в скафандрах не нуждались, поскольку были рассчитаны на работу и в вакууме, при абсолютном нуле, и даже под водой – на глубине до километра.

Челнок мирно стоял на своих направляющих, посверкивая хромированными частями кормы, и чернея обгоревшими кромками переднего обтекателя и крыльев. Хоффер подошёл к контрольной панели в стене.

– Так. Спасибо, Матильда. Вижу, что заправка полная. И кислород, и горючее. И аккумуляторы. Превосходно. Диагностика?

– Проведена. Все системы в порядке.

– Внимание, команда остающихся. Мы грузимся. И отбываем!

– Вас поняла, капитан, – голос Наташи не спутаешь с Памелловским – он и басовитей, и серьёзней. Но сейчас чуть подрагивает: нервничает, похоже, жена Карла. А вот сам Карл помалкивает. Но можно дать зуб – сидит перед приборной панелью не просто так: а проверяя все приборы, и данные, идущие с «расходуемых приборов»! – Изображение поступает со всех трёх аватаров. Картинка устойчивая. Механизмы в норме.

– Хорошо. Приступаем к выходу и отстыковке.

Забрались внутрь быстро – а чего тянуть теперь-то?! Расселись по креслам в пилотской кабине. Челнок у них маленький – тонн на пятьдесят. И человек на десять. Но столько на их посудине никогда не было. А челнок Хоффер прикупил на аукционе списанной военной техники. После чего они его почти год чинили и оснащали. Зато теперь можно смело садиться на атмосферные планеты! А не висеть в космосе, ожидая своей очереди на разгрузку в орбитальном терминале общего пользования...

Хоффер пощёлкал переключателями над головой. Заморгал, а затем устойчиво загорелся зелёный.

– Внимание, экипаж челнока. Начинаю выход в тамбур.

Машина дрогнула, и ангар пополз назад – включились транспортёры. И вот уже за ними закрываются створки внутреннего люка. Хоффер щёлкнул очередным тумблером. Засопело, засвистело – пошла откачка воздуха из тамбура корабля. Через минуту загорелся очередной зелёный индикатор на панели перед ним. Хоффер щёлкнул клавишей:

– Открываю наружный. Выезжаем.

Рельсы-направляющие вывезли челнок из корпуса «Королевы Монако». Но вот он и полетел дальше без ощущения подвеса: рельсы автоматически отщёлкнули замки, и уплыли назад – в тамбур, предоставив их маленькому судёнышку двигаться прочь по инерции. Хоффер взял от себя штурвал. Включились на малый ход маршевые движки. Скорость

уползания назад корпуса корабля увеличилась. И вот он разворачивает челнок носом к чужаку. До которого две мили – дистанция, признанная Уставом безопасной...

Но она быстро сокращается – Хоффер перевёл на полный. И через минуту пришлось начать торможение: громада чёрной сигары быстро приближалась! Теперь, когда видно её было не через оптические преобразователи кабины корабля, а непосредственно, освещённую прожекторами их судёнышка, она казалась куда неряшливей и страшней, чем издали. Из безопасной рубки.

– Чёрт. Здоровый какой. – Лара поцокала зубом.

– Да уж. Прямо – линкор Флота!

– Да нет. – Хоффер усмехнулся, понимая не без раздражения, что почему-то, несмотря на аватара, всё равно нервничает, – Наши линкоры никогда таких размеров и водоизмещения не достигали. Самый большой, «Рональд Рейган» – всего километр! И миллион тонн. Ну, плюс, конечно, шесть тысяч человек экипажа...

– Как думаете, капитан, – это влезла снова Наташа, – Сколько человек могло разместиться на... Таким?

– Не думаю, что очень много. Если Лара права насчёт того, что здесь создавали оружие, или био-оружие, контингент может быть очень даже... Ограничен. Ну, научный. Тысячи две? Три? Ну а экипаж... Не знаю. Человек пятьсот. Наверняка тут всё механизировано и автоматизировано до предела. Чтоб в случае чего – минимизировать потери!

– Но почему – так мало?!

– Ну, это же – не боевой корабль. Тут и вооружения почти не было. Это у нас боевые корабли увешаны оружием, словно дурацкие рождественские ёлочки. И к каждой пушке положена – своя команда! Для независимой стрельбы.

– А почему крышка с переднего тамбура сорвана?

– Не знаю, Лара. – они как раз подлетели к проёму, и Хоффер, погасив скорость, выпустил магнитные захваты. Те ткнулись в металлический корпус, челнок дёрнуло, – Может, как раз для того, чтоб кто бы ни встретил в космосе эту посудину, сразу догадался, что что-то нечисто с ней! И её внутренностями!

– Но ведь без наружной створки мы не сможем проникнуть внутрь?

– Сможем. Матильда, ты сделала то, о чём мы договаривались?

– Да, капитан. Сваренный кусок брони размером под наружный люк чужака – в грузовом отсеке челнока.

– Ну вот и славно. Теперь выберемся наружу, и попробуем войти. Разумеется, *приваривать* наш люк к наружной стороне тамбура чужака мы не будем. Он и сам встанет – на магнитных держакках. А если что – их нетрудно отключить, и спешно эвакуироваться!

– Звучит оптимистично. Но если бы не была в аватаре – точно обделалась бы со страху! Уж больно грозно выглядит эта дрянь! Страшно! Словно... Словно – призрак!

– Да нет же! Нормально она выглядит. Посудина как посудина.

Большая только.

– Ну, значит, это я у нас такая мнительная. Ну, или «сенситивная». И улавливаю ментальные сигналы, идущие отсюда! – Лара кивнула на корпус, – И мне страшно!

– Довольно, Лара. Не нужно нас лишний раз пугать или предостерегать. Мы и так – в аватарах. И настрожены до дрожи! А сейчас – ну-ка, на выход!

В тамбуре челнока всё равно пришлось подождать, пока его насосы не откачают воздух из крошечного, не более шести кубических метров, пространства.

Но вот они и снаружи!

– Включить чёртовы магнитные подошвы!

Люди уверенно опустились на чёрный корпус чужого корабля. Джереми буркнул:

– «Всего один маленький шаг для человека!..»

– Хватит бородатых приколов! – Хоффер не любил изъезженных историй о «первых космонавтах», которые «летали на Луну», не вылезая из студии на Земле.

Поскольку челнок Хоффер «во избежание» «припарковал» за десять метров от люка, пришлось пройти, преодолевая сопротивление щёлкающих подошв, эти самые десять шагов. Джереми добрался до отверстия первым:

– Чтоб мне провалиться! А тамбур-то – ого-го!

– Ну правильно. Пока мы были на «Королеве», нам просто не с чем было сравнить!

Теперь стало хорошо видно, что глубина тамбура – не менее пяти метров, при ширине и высоте в три. И что колесо аварийного люка имеет в диаметре не метр, а все полтора. А штанга, удерживающая его – приварена к стенкам.

– Ну хорошо. – постояв и поглядев вниз, под ноги, Хоффер подвёл итог, – Мы осмотрели. Теперь забираем из багажного отделения наш люк, и устанавливаем! А заняться открыванием придётся только после герметизации!

3. «Сюрприз!..»

Вытащили броневой щит не без труда: сложенный вчетверо он имел небольшие (Сравнительно!) размеры, но инерция почти тонны броневой стали никуда не делась.

Хоффер с Джереми развернули заплату во всю её длину и ширину. Забрались внутрь тамбура, к уже ждущей их там Ларе. Хоффер сказал:

– Матильда. Командуй нашим железным другом.

Дроид, выбравшийся тоже из багажного отсека, молча орудуя своими четырьмя членистыми лапами, с присосками и магнитными же фиксаторами, наложил приготовленную людьми крышку люка с небольшим «аварийным» лючком в одной из четвертинок, на зияющее отверстие тамбура. (Как сказал однажды по поводу «правильного» применения технических терминов Карл, – «Дырка бывает только в ...опе!»). Магнитные фиксаторы с глухими щелчками закрепили её к краям, на которые легли с небольшим перекрытием.

Хоффер провёл по линиям бывших сгибов щита индукционным активатором, извлечённым из кармашка рюкзака за спиной.

Линии вспыхнули вишнёвым, и цвет их медленно вернулся к серо-стальному.

Ждать полного остывания пришлось с минуту. Но уж те-

перь можно было дать гарантию: в местах, где сталь раньше гнулась и изгибалась, словно обычная ткань, модифицированная размягчителем-пластификатором, она теперь тоже – крепче скалы!

Ну вот и отделён от космоса герметично, как показывают датчики, тамбур чужого корабля. Что важно. Чтоб не выпустить наружу воздух, если он внутри сохранился.

Джереми занялся установкой «большого» промежуточного усилителя: прожёл газовым пистолетом, имевшемся среди многих других в кобурах на поясе аватара, сантиметровое отверстие в щите. Затолкал в него, вынув из герметичной упаковки, мягкий шарик универсальной замазки. И выпустил наружу сквозь него антенну, торчавшую из плоского дна бронированного устройства размером с половинку футбольного мяча. Сам усилитель инженер закрепил на щите тоже с помощью обычных магнитных фиксаторов.

Откинувшись, и осмотрев аппарат, Джереми довольно буркнул:

– Застынет через минуту – ...рен пробьёшься! Ну, здесь-то – без проблем. Герметично и прочно: наша же затычка, и наша сталь!

– Точно. Матильда. Проверка связи. Как слышно и видно?

– Нормально, капитан. Изображение и звук теперь гораздо лучше. – а ещё бы! Если б радио и видеосигнал совсем пропали бы, управлять аватарами тоже стало бы невозможно. Так что – ну *очень* сильно их работа внутри зависит от

качества этого самого сигнала!

– Хорошо. Пробуем отвернуть штурвал. – Хоффер как раз закончил работу со своим газовым пистолетом: перерезал оба приваренных конца штанги, – Я штангу оставлю вот здесь. Мало ли. Вдруг – понадобится? Если придётся драпать. От «непреодолимых обстоятельств», и «экстремальных сил стихии». Или уж – «превосходящих сил противника»!

– Хоффер. Прошу тебя: довольно приколов. Я и так – вся на нервах!

– Ладно. Молчу. Джереми. Иди сюда. Крутить штурвал придётся тебе.

– Это почему?!

– Я буду прикрывать! – чтоб слова не расходились с делом, Хоффер встал попрочней напротив метрового в диаметре люка, в паре шагов, и взял в каждую руку по пистолету: лазерному и плазменному. Газовый, как маломощный, и для малых дистанций, спрятал назад в кобуру.

– Хм-м... А умеешь ты, как уже отмечала Лара, вселить оптимизм. И бодрость духа.

Впрочем, это замечание не помешало Джереми действительно притопать на чмокающих магнитных подошвах аватара к люку, и попробовать покрутить штурвал.

– Чёрт!.. – хоть работал и аватар, имеющий куда более мощные мускулы, чем любой человек, Джереми пыхтел почти как если бы сам крутил неподатливую штуковину, – В эту сторону – не идёт, будь оно всё неладно!

– Понятно. Пробуй – в другую. А потом – и в третью.

– Издеваешься?! Откуда у *плоского* колеса – третье направление вращения?! – Впрочем, особо сильно возмутиться у Джереми не получилось, потому что штурвал сдвинулся, и начал вращаться, – О, чтоб мне лопнуть! Сработало! В смысле – пошло!

– Хорошо. Не торопись. Открывай медленно. – Хоффер включил оба наплечных прожектора своего аватара, и чуть согнул колени – пистолеты имели приличную отдачу!

Джереми пришлось стараться не меньше минуты, прежде чем внутри круглого люка что-то щёлкнуло, да так, что даже через подошвы космонавты ощутили дрожь корпуса.

Люк начал открываться, с шипением, и ускорением: отворяемый явно не столько усилиями человека, сколько имевшимся с той его стороны давлением – но если Хоффер готов был увидеть за почти полуметровой в толщину створкой непроглядную черноту, он сильно ошибся. Открывшееся их взорам тесное длинное пространство оказалось залито довольно ярким оранжево-жёлтым светом!

Разумеется, никто их не встречал: коридор с выкрашенными в белый цвет стенами и полом, длиной примерно в пятнадцать шагов, был абсолютно пуст! Зато на белом же потолке имелись круглые плафоны, дававшие мягкий рассеянный свет.

– Ну, началось! «Сюрприз!» А вернее – сюрпризы! – Джереми, отваливший створку, и попялившийся в глубину свет-

лого пространства пару секунд, попытался почесать затылок аватара, – Реактор не сдох! И, судя по шипению, здесь и воздух оставался!

– Лара. Что там говорят анализаторы?

Лара как раз с сосредоточенным видом что-то делала с прибором, извлечённым из небольшого кейса, который несла она, но поделиться результатами соизволила лишь через полминуты:

– Будете смеяться. Пригоден для дыхания! Кислород – девятнадцать, азот – восемьдесят. Остальное – почти как на старушке-Земле: инертные, углекислый, водяной пар.

– Не смешно. Потому что поработали там, похоже, твари вроде нас! Кислорододышащие! А следовательно – очень коварные и опасные! – это влезла Наташа, – И есть ещё кое-что. Вы посмотрите на толщину люка! Добрых полметра! И как вы собираетесь его продырявить для установки очередного большого промежуточного?!

– А Наташа-то – права! Наверняка все те прокладки, что изолируют от любых видов излучений, имеются и внутри требухи створки! С другой стороны – без связи нам – никак! Аватары не выживут, хоть у их ретранслятора и особо мощный сигнал. Капитан! Прожигать? – Джереми достал пистолет снова. Теперь – плазменный. В дуло даже дунул.

Хоффер чувствовал сильные сомнения.

Уж больно угрожающе это выглядит! Сохранившаяся энергия. (Что само по себе интересно. И выглядит... Много-

обещающе!) Имеющийся на борту воздух. *Почти* совпадающий состав атмосферы – он, по-идее, мог и полностью совпадать. Раньше. А если не совпадает – так, может, это потому, что «выдышали» его какие-нибудь существа, действительно до сих пор обитающие там, внутри!..

Но ведь пока не взглянешь – не узнаешь!

А кроме того они – в аватарах! То есть – «личная» смерть так и так не грозит.

Ну, теоретически.

– Хорошо. Прожигай. Где-нибудь вот здесь. – Хоффер указал на точку примерно в середине метровой в диаметре массивной створки, – Отверстие постарайся сделать поуже: чтоб мы могли нормально загерметизировать антенну усилителя.

– Вот уж никакого смысла в этом нет! – это снова влезла Лара, глядевшая уже в окошко другого прибора, – Поскольку если б в атмосфере были какие болезнетворные микроорганизмы, давно бы мы, ну, или, вернее, наши скафандры, этой хренью покрылись! Но аватарам это, к счастью, не грозит! Они – «расходуемые материалы»!

– С чего бы это? Я просто так своего аватара выкидывать не собираюсь!

– А не получится «просто так» сохранить, Хоффер. *Придётся* выкинуть. Пусть и – «по делу».

Болезнетворных бактерий и даже вирусов тут, во внутренней атмосфере – выше крыши! Вон: резвятся под стеклом

микроскопа! Как наскипидаренные! – Лара действительно прильнула глазом к тубусу походного аппарата, который вытасила оттуда же.

– И – что? Все прям вот такие – смертоносные? – Хоффер сердился. Прикупать дорожное оборудование взамен утраченного из-за заразы, когда счёт в банке и так готов испустить последний дух, как-то не хотелось... Особенно – в троекратном размере.

– Ага. Жутко. Буквально – до дрожи! Я оказалась права: сибирская язва – отдыхает!

– Ну спасибо. И кто теперь кого – пугает?!

– Я не виновата, что местные высоколобые и очкастые оказались такими квалифицированными гадами. Это наверняка – их работа! Генная модификация, селекция...

Явно – никакие не «природные мутации»! Всё, если мне позволят так выразиться – жутко смертоносное!

– Так. Хоть с этим всё понятно. – Хоффер окончательно понял, что смириться с потерей денег придётся, – Ну а что там – с боевыми отравляющими?

– Ядов или токсинов нет. В этом плане нам определённо повезло.

– Ага. Это уж точно. Повезло так повезло! С другой стороны, если б были яды – все эти бациллы-бактерии давно бы сдохли! А проветрить корабль от газов, даже такой – пара пустяков! И можно было бы даже банально сдать его на металлолом! А не заваривать все люки, и бросать! А так... Тьфу! –

Джереми как раз закончил проплавливать створку, и вылетевшие из торцевого отверстия, и ударившие в стену искры рассыпались по стали красивым веером, – Готово, капитан!

– Хорошо. Пусть остынет с минуту. И устанавливай. И всё равно – герметизируй.

– Понял. Есть, загерметизировать. – теперь Джереми вошёл с тубиками герметика и отвердителя, извлечёнными из набедренного контейнера аватара, перемешивая их прямо на ладони одноразовым шпателем, – Ну, хоть не весь окружающий космос за...рём!

Уверенными движениями электронщик нанёс состав на, и в отверстие. Пропустил через него антенну, так, чтобы корпус устройства остался на наружной стороне люка. И с усилием прижал:

– Порядок. Теперь ему никакой «внутренний» враг не страшен. И раз в атмосфере – кислород, схватится через ещё пару минут. Столько подождём?

– Подождём. – Хоффер как раз собрался метнуть внутрь освещённого коридора свою сумку-рюкзак.

– Эй-эй! Ты бы вначале повынул оттуда всё мало-мальски ценное!

– А что? Ты побаиваешься чего-нибудь в стиле «Обитатели зла»?

– А то! Да и ты, смотрю – тоже! Иначе не пробовал бы!

– Логично. – Хоффер действительно остановился, и извлёк из рюкзака кое-какое барахлишко, которое они таскали

с собой во все разведочные миссии: анализаторы, усилители, герметики, фляги с реактивами, и запасные обоймы, поступив весьма просто: вывалил всё это на пол у своих ног. После чего сумку всё же внутрь – метнул.

Но результат не впечатлил.

Вернее – он не впечатлил с точки зрения ловушек. А вот с точки зрения полёта сумки – впечатлил!

Поскольку буквально в шаге от отверстия грохнулась она на пол, словно придавленная к полу невидимой рукой!

– Чтоб мне провалиться! – Джереми выразил удивление традиционным жестом, благо, волос на затылке аватара не росло, – Искусственная гравитация!

– Точно. Работают, стало быть, местные гравитаторы. – Лара покачала головой, – А ведь они электричество жрут, как свиньи!

– Да. Я тоже догадался, что это их работа. – капитан, покачав головой, повернулся к напарникам, – Не обесточено, стало быть, там, внутри, ничего. Работают, значит, и разные автоматические защитно-охранные системы. Теперь придётся бдить там, внутри, особо тщательно!

– А то до этого мы прям вот – прохлаждались! Гуляли, как в парке!

– Отставить острить. Если есть энергия – вход в корабль точно должен как-то охраняться. Автоматами. Ну, и все входящие снаружи должны – дезинфицироваться! То есть – система уничтожения всякой мелюзги вроде бацилл-вирусов

должна иметься.

– Ну и где она?

– А вон: как раз заработала!

Довольно тусклый и матовый свет светильников на подволке внезапно сменился. Защитные матовые плафоны быстро втянулись в подволок, и ослепительное сине-фиолетовое сияние затопило коридор! Хорошо, что зрение аватаров автоматически подстроилось: закрылись фильтры!

– Ух ты! Смотри-ка: прямо как у нас в ангаре! Наверняка – ультрафиолет! С кем поспорим на бутылку коньяка?

– Ни с кем. – Лара, успевшая взять спектрограф, посмотрела на Хоффера, – Ультрафиолет! В три раза интенсивней нашего! Были бы без скафандров – точно поджарились бы, как цыплята табака! Кожу сожгло бы до коричневой корочки!

– Хм-м... Впечатляет. Хотя, если подумать, в космос без скафандров действительно – не ходят. Ладно, не страшно. Шкура аватаров рассчитана и не на такое. Но что-то уж больно долго длится обработка! Заклинило там, что ли?

Словно опровергая слова капитана, свет сменился «обычным»: оранжево-жёлтым: защитные плафоны вернулись на места.

– А, нет. Работает. Ну что? Входим и закрываем? – Джереми показал на штурвал, имевшийся с противоположной стороны люка.

– Да. Правда, не вижу ещё одного штурвала. Как откроем

люк там – в том конце?

– Э-э, не парься, Хоффер. Если не откроем – просто вырежем! Мы же создадим сразу две герметичных и прочных переборки! Ну, когда закроем дверь за собой!

– Внимание, экипаж, оставшийся на борту «Королевы». Мы идём внутрь.

Матильда. Если заметишь хоть что-то подозрительное – или говори, или сразу – стреляй! – взамен прожектора на правом плече Хоффер выдвинул из корпуса аватара автоматическую пушку-пистолет сорок пятого калибра. Против её разрывных пуль не помогла бы и броня! Не говоря уж о том, что для убийства даже слона хватало – единственной! И душу Хоффера приятно грела мысль, что их бортовой компьютер тоже может при необходимости производить стрельбу – абсолютно независимо от него самого. Как и управлять и самим аватаром. И скорость реакции у Матильды – несравнима с человеческой! Не четыре десятых секунды, а – одна сотая! Ровно столько, сколько требуется спусковому крючку, чтоб преодолеть свою инерцию!

Ну а он, когда считал необходимым пострелять, управлял пушкой с помощью ментальных команд.

– Приказ поняла, капитан!

Джереми втащил, перегнувшись через комингс люка, сумку обратно. Ругнулся:

– Чёрт! Чуть носом не клюнул! По ту сторону порога – точно «Же» полтора. Или два.

Хоффер с помощью аватара Лары загрузил барахлишко назад. Взвалил на плечи.

Они вошли внутрь. Люк за собой задраили. Гравитация и правда – оказалась куда выше стандартной земной. Джереми буркнул: «Если б не мускулы аватара – точно часа через два полегли бы, аки взмокшие и выдохшиеся куры!»

Когда дошли уже до середины прохода, оказавшегося всё же длинней, чем казался – метров двадцать! – защитные колпаки потолочных плафонов снова убралась в свои ниши.

Вокруг опять засверкало голубым и синим.

– Вот чёрт. Словно и правда – греет эта фигня!

– Великая вещь – самовнушение. – капитан пожал плечами.

Больше никто ничего не сказал, пока они не дошли до двери, имевшейся в торце коридора. Выглядела она уже как вполне нормальная дверь. Только сделана была из броневой стали – прямо как их заплатка. В торце имелась ручка. Поворачивающаяся.

Свет в коридоре снова сменился оранжево-жёлтым. Джереми сказал:

– Если ручка повернётся, и дверь вот так, без проблем, откроется – я съем свою шляпу!

– Звучит заманчиво. Только, чур, не ту, джинсовую, с надписью «Большое яблоко», её и дурак съест. А – меховую. Которую тебе подарили аборигены Клондайка-два.

– Вот блин... Кто меня, идиота, за язык тянул... Ладно –

сам предложил! – Джереми взялся за ручку, и повернул вниз. Чёрта с два она повернулась.

Джереми преувеличенно облегчённо вздохнул:

– Ну, слава Бо...

– Ну уж нет! Ты так просто не отделаешься! Поверни-ка ты её теперь – вверх! И ещё – попробуй потянуть на себя. Ну, или – притопить.

Замок двери щёлкнул – атмосфера позволяла им теперь слышать звуки!

– Вот сволочь. Открылась. Когда потянул. И повернул кверху. Готов?

Хоффер, уже снова занявший позицию перед дверью в паре шагов, кивнул:

– Давай!

Джереми отворил дверь, сам оставаясь под её прикрытием.

И хорошо.

Потому что пушка на плече капитана пришла в действие, негромко рявкнув и выпустив короткую очередь в сторону отверстия, до того, как он разглядел хоть что-нибудь!

Хоффер, всё ещё моргавший, пытаясь приспособить зрение к темноте, встречавшей их там, за дверью, чертыхнулся:

– Матильда! Спасибо. И что это тут у нас было? Во что ты стреляла?

– Не во «что», а в кого. Опустит прожектор пониже. Оно

нападало с палубы. И я посчитала его действия – агрессивными.

Хоффер так и сделал.

– Ох!.. – Лара даже прикрыла рот ладошкой. Через динамик до них донёлся и вздох-всхлип Памеллы. Только Наташа и Карл ничем не выразили удивления или страха.

– Твою же!.. – Джереми матюкнулся. А Хоффер даже не сделал ему замечания – сам был впечатлён. Секунд пять все молча смотрели.

– Выглядит серьёзно. Одни когти чего стоят. – Хоффер автоматически сплюнул, продолжая рассматривать существо, лежащее на палубе чужака, в трёх шагах от проёма.

– Когти – да! Как у тигра! А вон ту штуку тогда как называть?! Штырь?!

Но капитан проигнорировал пузырящегося Джереми, решив выяснить куда более важные обстоятельства.

– Матильда. Как получилось, что ты его разглядела, а мы – нет?

– Это просто. Я заранее включила тепловизор и ультрафиолетовый сканнер. А кто вам мешал? И кто мешает сделать это сейчас?

Хоффер поспешил так и сделать, щёлкнув рычажком настройки на виске. Стал отлично виден и без прожектора и коридор, уходящий вперёд за открытой дверью. Конец его на этот раз терялся в необозримой дали. А, нет: обозримой. До следующей переборки с очередной дверью в ней было не

меньше двухсот шагов! Хоффер вздохнул:

– Входим. И закрываем дверь. Оно тут, похоже, было одно. К счастью. Кстати, почему? Обычно во всех фантастических боевичках твари, населяющие чужие планеты, и брошенные корабли, охотятся толпой? И нападают подло: со всех сторон одновременно?

– Это – полная чушь. Так происходит только у стайных животных. Да и то: только в те периоды, когда они добывают пропитание. А так, например, даже у львов, каждый прайд жёстко охраняет свои охотничьи угодья. От конкурентов из других прайдов. И самец, главный самец, обычно – один! И с врагами и другими самцами дерётся – лично!

– То есть, ты считаешь, что мы забрались на... Охотничью территорию?

– Да. Несомненно. – Лара по привычке попыталась откинуть несуществующую прядку со лба, – Правильней всё же было бы назвать её – угодьями. Следовательно – тут есть и на кого охотиться. И ещё – его самки и детёныши!

– С чего это ты так уверена?

– Не забыл? Я – биолог. Ну, вот, скажем, ты. Тоже не лишён (Ну, теоретически!) логического мышления. И элементарный анализ выполнил бы запросто. К примеру, найдя на новооткрытой планете пробочку из-под какого-нибудь напитка, типа даже нашей классической Колы, можешь же по ней сделать далеко идущие и строго логические выводы? Типа: раз есть пробка – есть и бутылка. А значит, есть и за-

вод, её изготавливающий. И другой – напиток внутрь разливающий. Который потом за деньги кто-то покупает. В супермаркетах. И нормальные товарно-денежные отношения, стало быть, в таком Социуме присутствуют – люди вынуждены работать, чтоб получать зарплату, и покупать товары – чтоб купить и обставить дом, жениться. Вырастить детей. Обучить их. И если не слушаются – отлупить ремнём и поставить в угол!

– Эк, ты задвинула! И кроме того – это неправда! Это моя бывшая на меня в суде возвела поклёп. Чтоб отсудить побольше алиментов!

– А я вообще-то не тебя в виду имела. А так – абстрактную персону. Которая по методу Шерлока Холмса может сделать по детали, или улике, далеко идущие выводы. В частности, о том, что раз есть хищник – значит, должны быть и его жёны и дети, и какая-то кормовая база. То есть – твари, на которых такой монстр охотится! Потому что в голых коридорах растения уж точно не растут. А посмотри на его зубы! Нет, он не корова!

– Вот уж обрадовала! Придётся пушку с плеча не убирать. А она тяжёлая. И неудобная. – Хоффер, да и остальные, стояли теперь над истекшим кровью, так, что под ним натекла большая чёрная лужа, и частично разорванном на кровавые ошмётки, телом.

Но видно его строение и так было неплохо. Особенно, действительно – зубы, выдающиеся вперёд, острые, только клы-

ки и резцы. Сейчас ярко блестящие в свете прожектора в открытой пасти – назвать ртом это отверстие язык не поворачивался. Потому что хоть лицо и напоминало лицо какого-нибудь австралопитека, челюсти казались раза в полтора больше, чем должно было быть. Кроме того, челюсти были довольно сильно выдвинуты вперёд – как у какого-нибудь ящера. Хотя всё остальное тело на тело ящера вовсе не походило!

В-принципе, как ни странно, до дрожи напоминало оно человека. Только гротескно и утрированно мускулистого и сильного. Жилистого. Именно это и делало монстра особенно отталкивающим. А хуже всего было то, что рост твари явно превышал три метра! Даже лёжа тело занимало чуть не всю ширину четырёхметрового коридора.

Кожа – оранжевая, явно очень толстая. Ноги – мощные, икры толщиной с бёдра взрослого мужчины. Бёдра – соответственно вдвое толще. Ступни... Они казались тоже – вдвое длиннее и шире! Но вот пальцы кончались действительно – толстыми и кривыми когтями! Такие же когти, совсем не напоминавшие «плоские ногти», имелись и на руках. А всё отличие верхних конечностей от нижних заключалось в длине и толщине.

Кроме одного существенного дополнения.

Из локтевого сустава вырастал, и шёл снаружи вдоль предплечья, вращая в кожу, мощный, и почти прямой, коготь. Напоминавший по форме штык старинных винтовок: трёх-

гранный, с долами, и очень острый на конце. В том месте, где начиналась кисть существа, штырь-штык отделялся от руки, и продолжался вперёд ещё на полметра.

– Интересно. Похоже, судя по когтям-ногтям на руках, эта штука созданием орудий не заморачивалась. – этот комментарий поступил от Лары, – Охотиться ей и так удобно. Наверняка – тоже генная модификация!

– Тебе, как биологу, конечно, виднее. Да и нет у неё в руках никаких орудий. Похоже, она полностью уповала на свою «встроенную» убойную силу! – Джереми указал на два штыря-штыка, сейчас бессильно вытянутых вперёд.

– Вот, кстати. О птичках. Получается – свет был только в тамбуре! И в дезинфекционном коридоре... А здесь – лампочки, что ли, сдохли? Или уж – проводка?

– Не думаю, Джереми. Вон: смотри. Перекрёсток! Там сходятся ещё два боковых ответвления. Поперечного коридора. – Лара не постеснялась показать пальцем.

– И – что?

– А сейчас покажу – что! – фыркнувшая на непонятливость напарников женщина подошла к перекрёстку, расположенному в десяти шагах от лежавшего тела, и нажала на белую панель, имевшуюся примерно в метре от пола на стене, у угла.

Вспыхнул ставший уже почти привычным тусклый оранжево-жёлтый свет, сразу сделавший кожу напавшего на них существа кирпично-красной.

– Ах, вот оно как. Стало быть, эта тварь ещё и – умная! Раз вырубила свет. Понимала, стало быть, что нам со света его видно будет плохо! Матильда! Спасибо ещё раз от имени моей задницы!

– Всегда пожалуйста, Джереми.

– Внимание, экипаж, внимание, коллеги по аватарам. – Хоффер поджал губы, что всегда являлось у него признаком озабоченности, – Если существо и правда – вырубило свет, чтоб ему было удобней на нас напасть, отсюда можно сделать, как говорит Лара, далеко идущие выводы. В частности о том, что за каждым углом может подстерегать новая опасность. И наверняка это – не последний вид, ну, или тип монстров, обитающих в чёртовом корабле. Оказавшимся, как ни странно, полностью функциональным. Поэтому.

Предлагаю, раз уж аватары всё равно придётся после миссии бросить, хотя бы постараться узнать или найти что-нибудь, что позволит нам подзаработать!

– Ты это чего имеешь в виду? Отловить новых тварюшек для Ксенолэнда?

– Нет. Хотя не сомневаюсь, что тварюшек и тварей мы встретим по пути достаточно. А мысль у меня была – добраться до энергоустановки. И постараться выяснить, что тут у них за источник питания! Ты же у нас – профессионал высшей категории? – стало заметно, как Джимми надулся, словно индюк, и заулыбался, – Значит – наверняка сможешь разобраться, *что* это тут делает электричество уже восемь-

десять с лишним веков!

– Ну... Возможно. – Джереми несколько сник. Но Хоффера это не испугало:

– Потому что если разберёмся, Матильда зафиксирует, и мы возьмём *патенты* – уделаем всех тех учёных, которые создадут, изучив это дело после нас, промышленные образцы. Потому что лицензии на производство таких машин придётся покупать – у нас!

Как вам мысль?

– А что? Мысль очень даже здравая. Если доберётесь, конечно. И то, что по дороге и с паноптикумом чудовищ и уродцев наверняка познакомитесь – вне сомнений! Я уже как будто приготовилась смотреть многосерийный фантастический сериал! «Храбрые разведчики-космопроходчики преодолевают непреодолимые преграды и борются с жуткой и смертельно опасной ксеноморфой!»

– Памелла. Твой юмор неуместен. Или ты не хочешь, чтоб твоя доля в прибылях была побольше?

– Хочу, конечно! Давайте уже – идите! Чего встали? Матильда! Как там теперь – со сканированием? Можешь показать им дорогу? Да и вообще – внутреннее строение?

– Могу, Памелла. Корабль я уже отсканировала. Но только – до ближайшей основной поперечной переборки. Она тоже – изолирована от всех типов излучения. А всего таких переборок, по моим расчетам, в этом корабле – девять.

– Чёрт... Стало быть – десять отсеков. И в каждой такой

переборке нам придётся оставлять «большой» промежуточный... А у меня их с собой – всего три осталось!

– Не парься, Джереми. У меня они тоже есть – три штуки. И у Лары – два. Плюс малые. Как-нибудь выкрутимся. Да и не думаю я, что реактор, или что там у них – вот прямо в самой корме! Нет, реактор – сердце любого корабля. Поэтому его обычно располагают в самой его середине, за самыми прочными переборками, и окружают самым прочным каркасом.

А на военных кораблях – и самой прочной бронёй!

– Хм-м... Пожалуй, ты прав! Осталось немного! Дойти. И разобраться.

– Отлично. Кто-нибудь – против этого плана? Нет? Замечательно. Матильда.

Выведи мне на планшет, – Хоффер откинул на предплечьи аватара псевдоэкран, – план-схему хотя бы этой части корабля!

4. Носовой отсек

– Вывожу. – на прозрачном экране возникла сложная конструкция, высвеченная синими голографическими линиями. С первого взгляда её запутанность могла привести в уныние даже выдающегося инженера. Или конструктора. Но Хоффер быстро приспособился: пальцами, как на старинном планшете, раздвигал заинтересовавшие его детали, укрупняя их, и разворачивая, чтоб изучить с разных сторон. Джереми и Лара подошли поближе, оторвавшись наконец от изучения убитого монстра.

– Матильда. Это – что?

– Это – резервуары. С водой. И бак-отстойник и фильтр для её очистки. И насосы – для перекачки.

– А это?

– Это машинный зал. Тут сходятся магистрали впускных и выпускных трубопроводов и труб вентиляции. И здесь же все эти жидкости и воздух очищаются, окончательно фильтруются, охлаждаются, дезинфицируются, и всё такое прочее, и поступают снова. В свои системы. Жизнеобеспечение, словом.

– А почему они – не общие для всего корабля?

– Это просто. На тот случай, если в какой-то секции случится авария. Или разгерметизация. Или подопытные мик-

роорганизмы вырвутся на волю. И придётся эту секцию временно изолировать от остальных. Словом, чтоб в них можно было спокойно и независимо жить и работать. Вон: тут даже теплица с гидропоникой есть. Правда, ни одного живого растения не сохранилось. – Матильда теперь сама укрупняла и поразворачивала в разные стороны большое помещение с трубами и лампами над трюмом с резервуарами.

– А где камбуз? И запасы продуктов? Не было их, что ли?

– Были, как вы видите, – Матильда вывела укрупнено ещё участок корабля, на этот раз – над коридором, где сейчас находились разведчики, – вот здесь. – обозревать обширное помещение с обеденными столами и стульями, и смежное с ним – с плитами, кастрюлями и разделочными столами, посудой, и шкафами, и всем прочим было бы интересно. Если б не дух унылого запустения, скрыть который не могли даже условные линии голограммы, – Правда, двери в склады и холодильники стоят, открытые настежь. Так что могу предположить, даже не гоняя вас для проверки, что ни зёрнышка даже самой невкусной крупы, не говоря уж – о кусочке лангета, не осталось!

Хоффер долго не мог оторвать взгляда от заброшенного камбуза. Ему всё казалось, что всё это – дурной сон, и вот сейчас из дверей коридора внутрь обеденного зала войдут, с шуточками, или что-то деловито обсуждая, люди в белых халатах или камуфляжной форме, как бывало, когда он служил на линкоре... Но довольно ностальгии!

– А электросети?

– Электросети – общие. Но они проложены, – Матильда снова укрупняла детали на планшете, поворачивая конструкции, и показывая их с разных ракурсов, – сквозь специальные жиклёры-сальники. И проникновение заразы, или воздуха через эти герметичные переходники – невозможно.

– А это – что? – Хоффер показал прямо пальцами.

– А это, судя по монументальной защите – лабораторные блоки. И уровни. Служебные переборки между ними и остальным пространством носового отсека – особенно мощные. И тоже – герметичные. А вот тут, ну, то есть, там, где мы – ну, точнее, вы! – сейчас находимся – жилые уровни. Каюты членов экипажа и ученого персонала. Центрально-осевая, отлично изолированная от остального пространства корабля, часть носового отсека, целиком занята ими. И жило тут, судя по моим расчётам, не более ста человек.

– Погоди-ка, Матильда. – это влезла Лара, ткнувшая тоже пальцем, – А что это за скопление красных точек?

– Я сейчас и их укрупню, – изображение скакнуло, и заняло не половинку квадратного метра, а чуть не всю ширину коридора. На нём проступили оранжево-красные пятна: лежащие, стоящие и движущиеся силуэты. Таких же монстров, как тот, что лежал на полу.

– Видно? Они базируются возле теплообменника. Там наверняка теплей, чем в остальных местах.

– Видно! И понятно. Дело ясное: гнездо! Ну, или логово...

Вон: сколько маленьких... хм... тварюшек!

– Джереми. Они всё-таки – наши, в какой-то степени, родственнички. Судя по виду. И это же – дети! Нельзя ли повежливей?

– С чего бы это, Наташа? Это не мы, а они – ну, вернее, их отец и кормилец! – напали на нас, пытаясь убить и сожрать! А он – тварь! Значит, его дети – тварюшки!

– Ну и что, что напал и пытался съесть?! Во времена мореходов-первооткрывателей там, на Земле, аборигены каких-то островов сожрали Кука. И не только его. Канныбализм вообще был тогда в норме! Это же не делает аборигенов Океании – тварюшками?!

– Почему? Очень даже делает! – Джереми, чья оливково-коричневая кожа ясно давала понять, чья кровь в нём течёт, явно едва сдерживался, чтоб не материться. Похоже, впитанная с молоком матери обида до сих пор грызла его душу североамериканского индейца, – Особенно в глазах тех, кто пытался их колонизировать! И принести им «свет Христианства». Учítывая, как испанцы и англосаксы поступили со всеми этими «вонючими и тупыми» индейцами, неграми, и островитянами Тихого океана и Австралии, они их за *людей* не считали! Так – второсортные отбросы, годные быть только рабами! На плантациях! И занимающие отличные земли! С которых их надо согнать в резервации! Ну, выживших. После того, как их споили, и подбросили им одеял, заражённых оспой, а детишек покидали в костры!..

Словно остановив сам себя, Джереми замолк. И, уже спокойней, добавил:

– Хотя, конечно, ты права – их, доблестных и самоотверженных колонизаторов, этих носителей света истинной веры и «внедрителей» демократии и цивилизованности, должно извинить то, что они этих закоренелых людоедов и «язычников» – не ели!

Наташа на эту гневную тираду промолчала.

– Тэ-экс... Мысль понятна. – Лара преувеличенно тяжело вздохнула, – А именно – что нам тут предстоит разбираться и блуждать до второго пришествия! Но в гнездо, конечно, соваться не нужно... Как и в лаборатории. И это ведь – только носовой отсек!

Хоффер решил ситуацию как-то разрулить, и накал страстей понизить, вернув всех на грешную почву разведки:

– Вовсе не нужно нам тут ни с чем «разбираться». – он вернул изображение в исходный масштаб, сделав «тварюшек» и их матерей – точками, – Вернёмся от абстрактных категорий, типа, кто – человек, а кто – нет, к нашим насущным проблемам. Добывания денег. В частности – к вопросу планировки корабля.

Похоже, конечно, всё это хозяйство на перевёрнутый конус. Здесь, возле узкой части, технических уровней и рабочих этажей не больше десяти. Зато возле первой переборки-стены могу насчитать их до ста! И все – вполне стандартные. Ширина коридоров – четыре, высота – три. (Вот, кстати!

Таким образом мы и выяснили, как говорит Лара, путём логических заключений, что ростом люди, работавшие и жившие здесь, не превышали нас! И монстра в три метра явно для использования на корабле не предназначалась. (А, вот ещё что! Нужно отобрать, пока не ушли, пробу крови! Там наверняка есть антитела ко всей имеющейся здесь заразе!) Следовательно, вырвалась она и её соплеменники на свободу из каких-то вольеров... И резвятся тут уже... Довольно давно! Размножаясь, охотясь, и явно – процветая! Стало быть – грамотно их создали. Выживают!

Далее. Все эти жилые уровни-палубы, разделённые ещё и метровыми служебными уровнями с трубопроводами и системами кондиционирования, канализации, водоснабжения, отопления и так далее, нам, собственно, не нужны. Как и многочисленные лаборатории, входы в которые открываются из тех, дальних, коридоров.

А нужно нам, чтоб Матильда проложила нам маршрут к примерно центру броневой поперечной переборки, и мы проникли *за* неё! С тем, чтобы двигаться туда, где предположительно нас ждёт – не дожждётся энергоустановка! Вопросы? Предложения?

– Может, всё же будем заглядывать по дороге в каюты? Хотя бы в те, что окажутся рядом? По пути?

– Хорошо, Лара. Но! Ненадолго: только для поверхностного, от порога, «обзора». Пусть Матильда пот *ом*, на досуге, нам все эти записи воспроизведёт, со своими комментария-

ми. А нам некогда проводить тут подробные экскурсии, с попытками выяснить, что это, скажем, за прибор, и как он работает! Нам главное – помнить, что полной зарядки аккумуляторов аватара хватает максимум на трое суток. И, боюсь, нам понадобится *всё* это время! И даже поспать, выбравшись из аватаров, будет некогда!

Потому что вы все понимаете, что и таких, и других... э-э... существ, кто будет на нас нападать, мы наверняка встретим! Следовательно, придётся тратить и энергию на работу оружия, и боеприпасы, и время. А нам ещё – разбираться, что тут за, вот именно, энергоустановка, и как её изучить, не выключая. И нужно будет понять принцип действия, не разбирая по винтикам! А это – наверняка займёт не один час!

– Логично. Так чего же вы ждёте?! Выдвигайте наконец ваши аватарские задницы! Матильда! Проложи им маршрут – какой-нибудь линией! Хотя бы до ближайшего люка в первой переборке!

– Капитан?

– Да, Матильда. Сделай, как предложила Памелла. Лара. Пробу крови отобрала?

– Да, капитан.

– Прекрасно. Но изучать будешь не сейчас, – Лара оторвала удивлённый взор от портативного масс-спектрометра, – а когда мы дойдём до реактора. Или что у них тут. Потому что пока мы с Джереми будем пытаться разобраться с его конструкцией, у тебя наверняка будет достаточно свободно-

го времени! А сейчас – вперёд!

Вон: Матильда нам всё проложила.

Действительно: на изображении появилась тонкая красная линия, ведущая прямо по коридору, в котором они и находились, в дальний его торец, к двери.

Лара спрятала пробы и приборчики назад, в кейс, и пристроилась в центр маленькой колонны, в которую автоматически выстроились члены экипажа: Хоффер впереди, Джереми – прикрывая тыл, с тоже выдвинутой на плечо пушкой-автоматом.

Шли быстро, по сторонам смотреть не забывали.

Через полминуты напряжённую тишину нарушил голос Наташи:

– Джереми. Извини пожалуйста. Я не хотела тебя оскорбить. Как и твоих предков.

– Принято. – Джереми криво усмехнулся. – Ты тоже – извини меня. Не знаю, с чего я так сорвался. Может, от того, что тут... Такая непривычная обстановка! А ещё я, как и раньше Лара – чувствую какое-то... Давление! И страх. Кто-то тут против нас явно что-то замышляет! Хоть нас и не видит!

Но явно – нас *чуёт*! И точит свои зубы на свежатинку...

Может, тут и правда – живут какие-то телепаты?!

– Может, конечно, они тут и живут... Но пока не проникнем за ту переборку, что гасит все виды излучений, в том числе и ваше с Ларой «телепатическое видение», с ними не

познакомимся. Поэтому – пошли. И бдить по сторонам не забывайте!

– Да, Хоффер.

Из-за угла поперечного коридора, которых уже встретили по пути пять штук, внезапно выскочила ещё одна монстра. Напоминающая для разнообразия чудовищно увеличенного кабана: чёрная, с жёсткой и торчащей во все стороны щетиной, и в холке достигавшая Хофферу по пояс! И длиной с доброго носорога!

Пушка на плече капитана, снова управляемая Матильдой, рывкнула.

Монстра, словно споткнувшись, упала. Проехала рылом по полу, остановившись почти у ног капитана. Даже морда «кабана» возвышалась чуть не до середины его бедра!

– Вот это хрюшка так хрюшка! – Лара боязливо выглядывала из-за спины аватара Хоффера, – В такой – точно найдётся чего пообгрызть нашим «друзьям-родственничкам»!

– Да уж. А я-то всё думал – на кого же этот мышчастый чувак со встроенными штыками-кинжалами здесь охотится! – Джереми вздохнул. – А вот на кого!

– Матильда. Спасибо. Что спасла в очередной раз наши – вернее, аватаров! – задницы. Но почему просто не предупредила? Ты же его наверняка видела на тепловизоре?

– Хотела сделать, как вы выражаетесь, сюрприз. Ну и заодно вернуть вам чувство бдительности и осторожности. А то вы от миссии несколько... Отвлеклись!

– Ну, вернула! – Джереми усмехнулся, – А вопрос у меня к Ларе. Лара! Почему они все здесь – такие здоровые?! Ведь пространство, как и ресурсы – ограничены? Логичней было бы предположить, что они все – измельчают. Ведь именно так происходит на Земле, на маленьких изолированных островах?

– Не путай, Джереми. Там – Земля. Острова никогда не бывают *полностью* изолированы! То течение кокос какой принесёт, то – тушу дохлого кита... То тайфун какую-нибудь живую птицу забросит... Или – семена. А здесь именно у таких – больших и сильных! – существ шансов выжить побольше. В конкурентной борьбе за ресурсы побеждает обычно сильнейший. То есть – крупнейший. Поэтому, думаю, тут монстров осталось – минимум. Только чтоб генофонд не выродился. Но уж все – здоровенные!

Вот именно поэтому здесь, в носовом отсеке, такой орангутангообразный монстр оказался – один! И пищевых ресурсов должно хватать его семье – в обрез!

– Кстати, Матильда. Чем питалась *эта* туша? – Хоффер осторожно пнул в бок распластавшуюся животину, под которой быстро росло чёрное пятно крови, – и где *её* семья?

– А её семья – во втором отсеке. Так же, как и её основные пищевые ресурсы.

– А как же тогда она...

– А через открытый соединительный люк в главной переборке. Он – на тридцать второй палубе. Открой снова план-

шет.

Хофферу пришлось так и сделать, благо, они всё ещё стояли над убитым кабаном, от которого Лара, пользуясь случаем, тоже отобрала пробу крови. – Вот. Это – открытый люк. – Матильда снова укрупнила, – Как видите, в него свободно прошёл бы и гиппопотам. А разнообразие жизнеспособных видов там, за стеной, явно куда больше, чем здесь. И, думаю, иногда наш орангутанообразный делал туда набеги и сам – за пищей для семьи. Не всегда же ему так везло, как сегодня: тут тебе и людишки с Земли, и кабанчик...

– Ах, юмористка ты наша доморощенная. Но любопытно... Знаешь что, Матильда?

Новый приказ. Проложи маршрут к этому самому открытому люку! Посмотрим, как они там приспособились, ничего дополнительно не ломая и не прожигая.

– Есть, капитан!

Через ещё один поперечный коридор они дошли до лестницы, соединявшей уровни-этажи. Джереми установил на всякий случай малый промежуточный усилитель прямо на потолке его лестничной площадки. И вот они спускаются по стандартным лестничным маршам. Стены и потолки всё так же были выкрашены в белый цвет, а размер ступеней лишний раз доказал, что сделаны они под ногу существ, во всём схожих с людьми.

Добравшись до нужного уровня, вышли в очередной горизонтальный коридор. Установили очередной малый про-

межуточный. Хоффер поцокал языком.

Здесь на полу имелись и пыль, и даже комья глины. Явно натасканные сюда копытами и ногами существ, проникавших из-за переборки. На ошмётках даже росло что-то вроде мха и лишайника. Шагах в ста видно было и эту самую основную переборку, и открытый настезь люк в её середине. Действительно, в него запросто прошёл бы и гиппопотам. Даже местный. Укрупнённый.

Хоффер сказал:

– Негусто. Но всё же лучше, чем прорезать очередную дыру в люке. Идёмте.

– Но почему здесь больше ни одна дверь не открыта?

– Не знаю, Лара. Будем смотреть внимательней.

Но кроме стандартных закрытых дверей по бокам коридора смотреть, как, собственно, и опасаться, было нечего. В десяти шагах от открытого люка Лара не выдержала:

– Хоффер! Ну давай заглянем! Хотя бы в эту!

– Ну, давай. Только – по быстрому!

Джереми открыл дверь легко: она тоже оказалась снабжена поворачивающейся ручкой, и даже не была заперта. Хоффер, несколько секунд смотревший внутрь, опустил пистолеты, которые снова брал в руки. Лара, смотревшая из-за его спины, прикрыла руками рот. Хотя он и был лишь ртом аватара...

Хоффер шагнул через порог.

Устрашающе выглядевшую кучу белейших костей в сере-

дине каюты он попросту обошёл. (Ну, съели – так съели. Матильда потом восстановит, и скажет – кого!) И теперь рассматривал картины, имевшиеся на стенах большой, пять на шесть, комнаты.

Пейзажи, во многом схожие с Земными. Портреты. Обнажённая натура – женская, понятное дело. Мужчина, стало быть, тут проживал. (Ну понятно. Не женщины же будут заниматься разработкой боевых вирусов и организмов!) Даже натюрморты.

– Похоже, *вообще* они от нас не отличались. Об этом говорит и их внешний вид, и подборочка жанров на картинах. Примерно такими же украшают каюты и наши. Кто работает в космосе подолгу.

– Согласна, Хоффер. – Лара встала рядом, – А где мебель? И вообще – хоть что-то же должно было остаться кроме картин? Они же – и спали, и отдыхали... И какой-нибудь телевизор смотрели, и вообще – как-то развлекались на отдыхе?

– Заглянем в спальню.

Они прошли к двери, видневшейся в дальней стене.

Но и там зрелище ничем не отличалось от увиденного в первой комнате: картины на стенах, и полное отсутствие мебели! Да и вообще чего бы то ни было из привычного обихода людей, живущих в как бы гостиничном номере...

Временном жильё.

Хоффер подошёл к встроенному в одну из стен большому шкафу. Открыл дверцы – они разъезжались на направляю-

щих.

– Ничего.

– Не может быть. Ну хоть что-то?

– Нет, Джереми. Даже вешалок нет! И вот ещё что. Попробуй-ка снять со стены вон ту картину!

Попытка не увенчалась успехом: картины оказались... Голограммами!

– Ну, теперь хоть более-менее понятно. Они повытащили отовсюду – всё. Что смогли оторвать. И скормили устройству вроде конвертера! Чтоб тот преобразовал все ресурсы – в перегной. В теплицах и оранжереях. И соответственно, больше стало урожая!

– Ну и где эти «теплицы»?!

– Думаю, за переборкой. Идёмте-ка.

Нечего нам здесь больше «исследовать».

Хоффер не ошибся.

За переборкой действительно оказалась теплица. Если только можно назвать её этим скромным словом!

Похоже, бывшие обитатели корабля стремились использовать всю поверхность огромного кольцевого пространства, открывшегося их взору! Потому что на всех стенах, поднимаясь вверх, и замкнув полное кольцо, имелись девственные джунгли!

Особенно непривычно было видеть верхушки деревьев, задирая голову кверху.

В диаметре кольцо почвы с растениями достигало не меньше четырёхсот – четырёхсот пятидесяти метров. То есть – почти весь диаметр корабля! Пустое пространство середины отсека не занимало ничего. Кроме ослепительного света.

– А хорошие у них гравитаторы. Да и внешнюю обшивку они продавить явно не боятся!

– Не говори ерунды, Джереми. Всё это безобразие явно посажено – не на самой обшивке. А на промежуточной переборке. Кольцевой. Мощной. И подстраховочка от ржавчины, как и система принудительного орошения, тут наверняка продумана до мелочей. Ничего не сгниёт и не испортится. Раз уж мы всё *это* видим!

– Пожалуй. А почему не видно любимых зверушек? И на нас никто не нападает?

– Не каркай. Могу поспорить на твою шляпу – ну, ту, которую ты должен съесть! – что не успеем дойти до следующей основной поперечной переборки, как это произойдёт. И не один раз. Поэтому ставь-ка наш большой промежуточный – вот сюда! – капитан указал на распахнутый двухметровый в диаметре и полуметровый в толщину люк, – А сам люк – не закрывай! Пусть так и стоит.

5. Второй отсек

– Ага. – Джереми занялся делом.

– Хоффер. – это до них снова донёсся голос Наташи, – Как получилось, что здесь – светло?! Ведь на полу – ну, вернее, и на стенах и на потолке – везде джунгли! С соответствующим слоем перегноя, и растениями. Что же их все освещает?! И откуда?

– А погоди-ка. Сейчас покажу. – Хоффер вышел из проёма наружу, на площадку из стальных прутьев, торчавшую над джунглями на три метра вперёд, и снабжённую решётчатыми перилами и решётчатыми же лестничными пролётами, уводящими вверх и вниз, и пандусом, по причудливой спирали вившимся, прилегая к стене (Теперь понятно стало, как чёртов кабан сюда забрался!), – Вот.

Глаза аватара, а, соответственно и камеры, передающие изображение на экраны рубки «Королевы Монако», оказались обращены вверх – к центру непоколебимой и мощной поперечной переборки, покрывшейся от времени зелёным налётом, очевидно – мха.

Прямо в центре уходящей вверх несокрушимым монолитом стены горел огромный, светящийся, не то, чтоб ослепительно, но вполне ярко, как бы – полушар. Матовый, и излучавший, как показывали приборы, с такой же интенсивно-

стью, как и солнце. С такого расстояния, на котором от него находилась Земля.

Второй такой же полушар, частично скрытый имеющимися в воздухе парами воды, создающей как бы клубящуюся дымку в «небе», оказался на противоположной стенке. До которой было не меньше двухсот-двухсот пятидесяти шагов: сказать точно было трудно, поскольку растения внизу и вверху, и с боков, и туманная дымка во втором отсеке искажали перспективу и скрадывали расстояние.

– Странно, – это вдруг влезла Наташа, – Почему это тут люк был – без тамбура?

– Я думаю, Наташа, это потому, что он – аварийный. На случай *совсем* уж непредвиденных случайностей. Типа вот такой. А для перехода рабочих смен, и технических работников там, внизу, – Джереми указал под ноги, – под слоем почвы и переборками, на которых она лежит, есть и обычные служебные уровни. Где наверняка имеется несколько типовых шлюзовых камер. С дезинфекцией и двойными люками. Ну, как при входе в нос.

– Хм-м... Звучит вполне логично... – Наташа явно что-то себе почесала, поскольку до них донёсся скребущий звук. Который нетактичный Карл снабдил комментарием:

– Что? Вши завелись? А нефиг мыть голову каждый день. Смываешь прослойку защитного жира! И кожа начинает шелу...

До ушей разведчиков донёсся смачный шлепок. Карл ойк-

нул. Однако других вопросов или комментариев не последовало, и Хоффер, убедившись, что Джереми закончил установку усилителя, вздохнул:

– Ну, потопали. Спускаться, похоже, будет легко. А вот подниматься...

– Мы – по пандусу? Или – уж так? – Лара показала на лестницу.

– Пандус, думаю, проложен так, и для того, чтобы даже самых чудовищных монстров легко было загнать сюда. При необходимости. Значит – не крутой. И, соответственно, более длинный. Идти – дольше. Значит – погромыаем. По лестницам. – Хоффер указал на ближайший пролёт.

– Ну, особых проблем преодолеть сто пятьдесят метров вниз не должно быть! – Джереми пожал плечами, – По-идее.

– Э-э, погоди, оптимист ты наш восторженный! Спуститься-то – ерунда. А вот до той стенки ещё дотопать надо! А тут наверняка – кишмя кишат! Хищники и травоядные! Крупняки всякие! Опасные, злобные и коварные! Зубастые! Ну, и прочее в таком же духе: змеи, плюющиеся ядом прямо в глаза, удавы-питоны, ядовитые сколопендры и кивсяки, пауки, мыши-крысы, дикобразы и кролики... Кабанчиков мы уже видели.

– Лара, кончай это дело. Я ведь тебя, как Хоффер, не пугал? Чего взялась?

– Ха! «Чего взялась!» Нервничаю потому что. Здесь-то всё это дело, – Лара обвела открывавшиеся пространства ру-

кой, – видно отлично! А внизу – обзор будет ограничен максимум – десятью-пятнадцатью шагами! *Джунгли* же! Смотри, какие кроны! И лианы. Внизу ещё и сумрак наверняка! Благодать для тех, кто охотится! Затаившись. Или подкрадываясь. И ты поймёшь, что стал жертвой, только когда на тебе сомкнутся чьи-то бесшумные огромные челюсти!

– Хватит, Лара! – Джереми передёрнуло, – Ну и что, что они – приспособлены? Мы же тоже – не просто так! Не лыком шиты! А технически подготовленные и «продвинутые»! Сильные и смелые! Ну, когда у нас пушки с разрывными снарядами на плечах...

Да и Матильда нас на произвол судьбы не бросит. И даже без компаса направление нам – укажет! И защитит. Да мы и сами – с усами! А, кстати! Ну-ка, включим аудиоусилители на максимум! А говорить будем потише.

Они так и сделали, и теперь грохот пластиковых обрезиненных подошв аватаров по железным прутьям лестниц и небольших лестничных площадок отдавался в ушах рёвом и грохотом Ниагарского водопада. Лара буркнула:

– Делайте что хотите, а я – пас! Включу на полную снова, когда спустимся!

– Логично. – Хоффер и сам поспешил убавить степень усиления. Джереми последовал их примеру, вздохнув. Но когда через десяток минут они закончили наконец спуск, оказавшись под сводами десятиметровых в высоту раскидистых деревьев, снова поставил на максимум. Хоффер и Лара

– тоже. Шёпот Джереми теперь звучал заговорщически:

– Здесь довольно много плодов. Попробуем?

– Смешно. Пусть лучше Лара отберёт пробы. От тех, что тут валяются под ногами!

Действительно, внизу, на мягкой и пружинящей под ногами подстилке из опавших и полуперегнивших листьев и мха, и правда имелось довольно много этого самого опада: жёлтых, оранжевых и кирпично-красных плодов. Некоторые были с финик, но попадались – и с яблоко. И почти все их деловито обглаживали какие-то мелкие грызуны, очень похожие на банальных мышей. Странно, но людей они словно и не боялись! И шустро сновали под ногами, словно не замечая чужаков.

Плюс ещё – муравьи. Эти достигали длины в фалангу пальца! А уж челюсти!..

– А чего это они нас не боятся?

– Ну, это просто. Мы же – не пахнем, как местные хищники!

– Ну так – движемся же?!

– Ну и что? Раз не пахнем, и не крадёмся, и выйдем незнакомо – точно – не опасны! Это только у хищников мы вызвали бы желание «побиться» с нами за территорию!

По ноге Джереми попробовал забраться муравей. Джереми топнул – насекомое свалилось с гладкой синтетической плоти.

– Чтоб мне провалиться. Прямо марабунта какие-то! –

Джереми конечно, не удержался от эксперимента: сунул мизинец ближайшему, наиболее крупному и агрессивно выглядевшему муравью, – Ай!

– Не бреши, тебе не может быть больно.

– Да мне и не больно. Это я так оффигел. От того, что этот гад промял пластик, который, по-идее, не должен сминаться, почти до сталитовой кости фаланги!

– Хм-м... В таком случае непонятно, как эти гады до сих пор не съели тут вообще всех! – Хоффер и правда был удивлён.

– А я отвечу. Значит, есть здесь факторы... ну, или зверюшки, ограничивающие их численность! Хотя бы – вон как та птичка!

Птичка, напоминавшая самого обычного чёрного дрозда, только мельче, очень шустро выскочила из гущи папоротника, и схватила ближайшего муравья. После чего так же быстро скрылась назад. Но не настолько быстро, чтоб Хоффер не покачал головой:

– Чтоб мне лопнуть. У неё же – не перья, а броня какая-то! А крыльев и вовсе нет!

– Нет, есть! – Лара фыркнула, – Эти придатки по бокам тела, которые помогают ей маневрировать, и пробираться через папоротник и кусты – и есть крылья!

– Но она же явно не может на таких – летать!

– А летать ей, судя по-всему, здесь и не надо! Когти – а вернее – когтищи! – позволяют лазать по деревьям, и там она

наверняка и гнездится.

А муравьям туда забраться не дают, скажем, лягушки. Ядовитые. И пауки. Ленивцы, или древесные муравьеды. Ну, или ещё какие насекомоядные гады. Типа хамелеона!

Почтенный, размером с ладонь, представитель этого семейства, вызвавший последнюю реплику Лары, как раз высунулся из-за сучка ближайшего дерева, похожего, кстати, на банальную яблоню, уставившись в глаза капитана с каких-то двух шагов. Тот, крикнув, только успел проворчать: «Ну и ро...», как ему плюнули в глаз вязкой и опасно выглядевшей слюной – розовым сгустком размером с приличный комок жвачки!

Спасла реакция Матильды: благо, она могла дистанционно управлять при экстренных ситуациях и телами аватаров: Хофферский успел убрать голову с «линии огня»!

– Вот ведь скотина цветастая! – хамелеон действительно переливался всеми цветами радуги, словно флаг ЛГБТ-сообщества, Хоффер сердился, – Матильда, спасибо в очередной раз! Пусть я как аватар и не помер бы, но какой-нибудь нейротоксин там наверняка содержался! Попортил бы камеру глаза! А будь я из плоти – сейчас бы точно отбросил коньки. В муках. – и, без всякого перехода, – Лара. Сможешь найти плевков?

– Нет. Поэтому уж будь добр: поймай эту «цветастую» скотину, и пусть она ещё раз плюнет! Контейнер подставлю.

– Ага, так я и согласился ловить его! – Хоффер бочком,

держась лицом к «скотине», обошёл ту, – Да и так – страшно!
Вдруг там – ещё и кислота какая-нибудь? Разъест синтетику!

– В таком случае – извини. Пробы не будет.

– Да и ...рен с ней. Пошли уже. А то за изучением местного «экзотического» биотопа забудем, зачем сюда спустились. – Хоффер снова занял позицию впереди их маленькой колонны, и они двинулись. Руки Хоффер держал свободными, потому что приходилось постоянно отводить в стороны петли лиан, свешивавшихся сверху, и выглядящих словно силовые электрокабели, только покрытые корой, и отслоившимися волокнами – словно сгнившими тряпками, и раздвигать ветви кустов и папоротники. Однако вскоре это дело стало затруднительным: чаща, состоявшая, похоже, из листовенно-хвойного леса, только породы все были неизвестны, стала гуще.

Пришлось вынуть из контейнера на спине мачете, и реально – прорубать проход!

Идти, продираясь сквозь заросли папоротников и каких-то колючих кустов, густо усыпанных зрелыми и незрелыми ягодами, и фестоны лиан, свешивавшихся, казалось, вообще – отовсюду, всё равно оказалось весьма сложно. По прикидкам Хоффера они смогли за пять минут пройти не более пятидесяти шагов. И тут проблемы продолжились.

Прямо из воздуха, словно материализовавшись из ниоткуда, на него сиганула гигантская змея! Сбив с ног, и отбросив в кусты!

Относилась она, к счастью, к неядовитым, и кусать его не пыталась. Зато сразу обвилась кольцами вокруг тела, и принялась душить! Ну, вернее – попыталась.

Пушка на плече Джереми заговорила короткими очередями, и вот уже перебитое в пяти-шести местах туловище, толщиной в бедро человека, отвалилось на опад и кусты! Извиваться оно продолжало ещё с полминуты. Хоффер, невольно застывший, и пытавшийся понять, всё ли у аватара – цело, проворчал, подвигав руками-ногами:

– Вот ведь живучая, гадина! И коварная. Фиг разглядел, где она пряталась...

– Зато никуда не убежит. Пробу крови отберу. – Лара так и сделала, не побрезговав даже наступить в огромную лужу. Впрочем, быстро впитывавшуюся в пористую подстилку. Как ни странно, но на этом нападение закончилось. Хоффер двинулся снова вперёд.

Но не успел пройти и десятка шагов, как провалился в какую-то – явно ловушку!

Джереми и Лара быстро добежали до открывшегося провала диаметром в пару метров, и глубиной в три человеческих роста. Но Хоффера не увидели – огромная, серебристая, и похожая на паука тварь, размером с доброго медведя, деловито обматывала тело аватара, превратившегося словно в кокон, толстой серебристой же паутиной.

До них донёсся приглушенный голос:

– Ну, чего пялитесь? Убейте уже его кто-нибудь!

Лара принялась было палить. Джереми, побегав по краю колодца, сказал:

– Нет, Лара! Прекрати! Пусть стреляет Матильда. А мы можем случайно задеть Хоффера! И он тогда испортится. Мы что – понесём его?! Матильда, давай!

Пушки на их плечах заговорили. Джунгли словно притихли – умолкли цикады, на фон, создаваемый которыми, они раньше и внимания не обращали, и даже сами стволы деревьев словно перестали поскрипывать на ветру, а листья – шелестеть.

Тварь внизу задёргалась, засучила толстенными конечностями-рычагами! Которые теперь, под точным огнём компьютера, так и отлетали! И вот уже быстро разобравшаяся в ситуации монстра дёрнулась, пытаясь скрыться в чёрное отверстие в боку земляного мешка. Хоффера, впрочем, утащить туда тоже попыталась.

Правда, без особого успеха: тот пустил наконец в дело и свою пушку.

Обездвиженная и лишённая ног-конечностей тварь, поражённая в центр туловища, замерла наконец на дне своей хитрой ловушки. Книзу та расширялась, и Хоффер смог встать рядом с пауком.

Джереми спросил:

– А чего сразу-то – не стрелял?

– Боялся попасть в вас. Эта гадина так быстро крутила меня, обматывая, что никак не мог прицелиться! Да и понимал

я. Что придёте на выручку. А навредить *нашему* аватару достаточно трудно. «Вершина технологий», всё-таки.

– Ну вот мы на помощь и пришли. Вернее – это Матильда пришла. Когда ты уже превратился в куколку! Тебя «высосать»-то не пытались?

– Нет, вроде. Хотя эти, как их... Хелицеры, то есть – челюсти, у неё – будь здоров! Матильда. Спасибо, что нашла способ обездвижить чудище!

– Всегда пожалуйста.

– Я начинаю думать, что мы могли и вовсе не влезать в аватаров. А нужно было просто поручить это дело нашему главному компьютеру!

– Можно. Но тогда нам было бы так... Скучно!

Да и присутствие наше здесь, на борту, в качестве пионеров-первооткрывателей, обозначить было надо!

– А вот по поводу «обозначения» нашего на борту, знаешь что, Хоффер...

– Ну, говори уже.

– Я вот иногда думаю, какого же ...уя эти твари, эти прожжённые чиновники и администраторы, которые составляли все эти Уставы да Правила, не запретили законодательно нам, наивным и восторженным первооткрывателям таких кораблей, лезть внутрь!

И понимаю. Вернее, я почти вижу эту картину!

Один ответственный и обличённый властью бюрократ говорит: «Ну что? Запретим?!» А другой отвечает: «Ты и прав-

да думаешь, что они и сами будут такими дураками, что очертя голову сразу вот прямо – полезут внутрь?!» А тот говорит: «Наверняка. И вот что я думаю по этому поводу. Пусть себе порезвятся! Зато будет материал у наших профессиональных учёных, и инженеров, которые пойдут туда *после* них! И Правительству это обойдётся куда дешевле! Да и не умрёт же никто! Только пара-тройка аватаров пропадёт. Причём – не Государственных! А частных. Экономия для госбюджета! Хе-хе.»

Лара вздохнула:

– Какая «реалистичная» картина. Тебе бы только сценарии писать, Джереми. Про коррупцию и интриги в высших эшелонах Власти.

– Хорошая, кстати, идея. Подумаю над ней, когда выйду на пенсию!

Если доживу.

– Ладно, успокоились, развлеклись, а теперь – за дело. Вынимайте меня отсюда. – помалкивавший во время монолога Джереми Хоффер, счищая с тefлонового покрытия тела аватара плети и клоки паутины, выглядел, как ни странно, усталым. И расстроенным.

Лара и Джереми переглянулись. Лара похлопала Джереми по пузу.

Кивнув, лебёдку из контейнера на животе аватара выдвинул первый помощник. Лара схватилась за бёдра Джереми, чтоб удержать равновесие «подъёмника».

Хоффера подняли за десять секунд. Лара спросила:

– Не обратил внимания? Там не было других пауков? А то они обычно строят такие убежища-ловушки, когда собрались, или – уже размножились! Чтоб сделать «консервы» для потомства.

– Утешила. Кстати: да. Обратил. – Хоффер отряхнул последние остатки липкого состава, – Тепловизор показал там, в глубине норы, минимум ещё шесть пауков. Но размером – не больше, чем с собаку.

А вообще-то мне не нравится темп, с которым мы проходим чёртов второй отсек. Если так пойдёт и дальше – до переборки третьего доберёмся только к завтраку!

Завтрашнему.

– Ну и что ты предлагаешь? Перелететь?

– Нет. Ракетное горючее ножных движков я бы всё-таки приберёг на более нужный или критический случай. А пока...

Придётся идти!

На этот раз «поймали» Джереми.

Какая-то «хитроумная» змея, очевидно решив, что пропажи человека, идущего в арьергарде, не заметят сразу, цапнула его за ногу, подкравшись абсолютно бесшумно!

Но на этом её удача и закончилась.

Рассматривая дюймовые кривые, как ятаганы, зубы, обломившиеся и теперь торчащие из проколов в икре аватара,

Джереми деланно сокрушённо покачал головой:

– А чёртовы создатели только что на Библии не клялись, что это покрытие фиг кто прокусит!

– Ладно. Выдерни наконец их оттуда. И змею отбрось подальше. Похоже, она сама сдохла. От неожиданности. И разочарования.

Джереми уже вынул из контейнера с инструментами пассатижи, и не без труда извлёк капитально застрявшие обломки. Рассмотрел: «Ух ты!». После чего пассатижи спрятал назад. А трёхметровое тело, толщиной для разнообразия всего – с его руку, просто отпнул прочь. Тут же в кустах, куда оно упало, началась подозрительная возня!

– А идёмте-ка дальше! Да поскорее! А то меня эти джунгли начали доставать!

– И меня.

– И меня. Вперёд! – Хоффер поспешил подать пример, заодно выстрелив в подозрительного вида нарост, торчащий из толстенной ветки над его головой.

С ветки свалилось чудище, напоминавшее комодского варана, правда, в несколько уменьшенном варианте: не более двух шагов в длину! Но уж пасть с зубами, как поспешил уверить Джереми – «вполне на уровне»!

Через ещё шагов тридцать увидели, наконец, родственников забравшегося в первый отсек кабанчика. Пятеро маленьких – ну как маленьких: каждый – с пони! – полосатых детёнышей деловито подрывали корни у дерева, до дрожи напо-

минавшего самый банальный дуб. А два чудовищно громадных родителя паслись тут же, неподалёку, иногда поглядывая подслеповатыми прищуренными бусинами глаз вокруг: не угрожает ли кто их идиллии!

У Хоффера, идущего так же первым, хрустнула ветка под ногой: это он попытался обойти «святое» семейство слева.

Тут же самец, возвышавшийся почти до Лариного плеча, кинулся на звук, даже не дав себе труда взглянуть и разобраться – кто это! Хоффер, не придумав ничего лучше, запрыгнул на ближайшее дерево! Благо, мышцы аватара позволяли! Лара и Джереми – тоже.

Кабан, обнюхавший дерево, на котором в развилке в трёх метрах от земли засел капитан, пофыркал, и его семья, к счастью, ретировалась в кусты. После этого на Хоффера наконец посмотрели. И не понравился ему этот взгляд:

– Лара. Ты у нас биолог. Кабаны, вроде, травоядные. И чего, спрашивается, он на меня смотрит, как ти-рекс на зебру?! Сожрать же – не сможет?

– Сожрать – нет. – Лара хохотнула, – А вот убить – да!

– И с чего бы?

– А ты же – нарушил границы его территории! Следовательно – создаёшь угрозу его семье. Следовательно тебя надо, во избежание проблем и прецедентов – прогнать! Ну, или убить. Что надёжней. И укрепит его авторитет среди местных обитателей!

– Вот уж утешила. Ну и чего теперь прикажешь делать?

– Чего-чего... Да пристрели его!

– А как же тогда местный «пищевой баланс»? Вдруг он – единственный самец? Остался. Ведь одного-то мы уже – того!..

– Ну хорошо, заботливый ты мой. Тогда просто – оглуши. Пусть полежит в отрубоне! Авось, мозги на место встанут! И не будет покушаться на «царя природы»!

– А-а, хорошая идея. – Хоффер поставил регулятор на плазменном пистолете на минимум, и перевёл основную часть спектра в безопасную, тепловую, зону, – Оглушить, может, сразу не оглушу, но треснет ему прилично! Прямо по тупой башке! Крепкой.

Кабанчик, пытавшийся зачем-то подрить ствол обхватом в добрый метр, на котором нашёл пристанище капитан, получив удар по голове, обиженно-сердито взревел. И зашатался, отойдя. Затряс головой.

Хоффер, не придумав ничего лучше, добавил мощности и выстрелил ещё раз.

Локомотивная туша брякнулась на опад с треском и грохотом.

– Пошли быстрее, пока не очухался!

– Ну, или пока его дражайшая половина не пришла ему на помощь!

– Не придёт она, Джереми. Она – страхует детишек! А самец всегда предоставлен в схватке за территорию, ну, или за самку – сам себе! На то он – и кормилец, и муж!

– А какого же ... рена тот, которого мы – того, шатался по новым пространствам?

– А это был, я думаю, самец-второгодок. Отпрыск. Ищущий, вот именно, территорию. Для воцарения! Ну, или уже передравшийся с папашей. Доказавшим сопляку свою состоятельность и силу! Хорошо хоть – не убившим.

– Когда ты так говоришь, мне остаётся только радоваться, что мы-то – куда цивилизней. Цивилизованней. И человеческих самцов-конкурентов не бьём. (Ну, почти.) И не убиваем. Как и надоевших, склочных, или чересчур умных самок. А просто перезакключаем контракты. С новыми жёнами.

– Ты это попробуй сказать своей Памелле, Джереми.

– Так уже сказал. Результат сама знаешь.

– Ага. Полночи спать не давали.

– Не бойтесь, коллеги. – в голосе Памеллы имелось слишком уж много мёда, чтоб поверить в правдивость её заверений, – До тех пор, пока нам не выплатят положенную премию, наши с Джереми судьбы – связаны воистину неразрывной цепью! Трогательно-нежнейших взаимоотношений!

Лара и Джереми переглянулись.

Не выдержал Хоффер: заржал первым.

Оставшиеся до перегородки пятьдесят шагов преодолели быстрее: теперь просто сразу палили во всё подозрительное. Что делали и сами, и с помощью «проинструктированной» соответствующим образом Матильды. От ещё одной ловуш-

ки-колодца спасла тоже она. Обнаружив ту с помощью гамма-сканнера.

Оставшийся путь «оживило» лишь нападение ещё одного хамелеона: на этот раз уворачиваться пришлось Джереми. И Лара снова осталась без плевка для анализа.

Если б не подсказки со стороны главного компьютера, вообще вряд ли добрались бы – риск заблудиться в джунглях, полностью лишённых ориентиров, и в которых не работали компасы аватаров, был достаточно велик. К тому же яркий свет наверху, над кронами, сменился хмурым сумраком, и под сводами леса сразу стало неприятно и тоскливо.

Хоффер буркнул:

– Похоже, дождь собирается. Поднажмём. А то ступеньки будут мокрыми и скользкими!

Но вот, наконец, они и поднимаются по очередной металлической лестнице из прутьев. Слой серой облачности, оказавшийся тоже – кольцевым, над всей поверхностью, и возникший на высоте около ста метров над кронами, преодолели за минуту. Сверху было всё так же – светло и тепло.

Лара вздохнула:

– Чтоб мне лопнуть! Наконец-то! Здесь и дышится как-то легче!

– Согласен. – Хоффер не без раздражения кинул взор снова на тёмно-серый океан клубящихся и словно перетекающих туда-сюда туч, – Хоть аватары и не имеют лёгких!

– А вот и дождь! – Джереми, убравший шум от капель,

бьющих по кронам, снова до нормального уровня, указал на блеснувший в толще тучи разряд, – И даже молния!

– Ох, чёрт! – сморщившаяся Лара поспешила тоже снизить громкость.

Хоффер сказал:

– Думаю, если какие нормальные выходы, через тамбуры, где-то действительно имеются, и даже сохранились в рабочем состоянии, нам пришлось бы до них – копать. А это – долго. И глупо. Так что рискнём «неповторимой и уникальной» биосистемой, установившейся здесь, и войдём снова – через верхний аварийный.

Ну, постаравшись закрыть люк за собой всё же – побыстрей.

6. Третий отсек

– Смешно. Какая разница – будет люк открыт секунду, или час! Вирусы и бактерии всё равно влететь успеют! Ну, или мы втащим их сюда на наших телах!

– М-м-м... Пожалуй. Но деваться некуда. Я спускаться и копать не намерен!

– Я тоже, – Хоффер, пыхтя, словно это не стальной аватар преодолел сто пятьдесят метров и восемьсот ступенек подъёма, а он сам, добрался до люка. Посмотрел вверх. Всё верно: эта площадка ровно на таком же расстоянии от второго псевдосолнца. Половинчатого, словно банальный декоративный плафон. И оно на столь близком расстоянии – слепит. Если б не светофильтры...

Так сделано явно для того, чтоб кто ни попадя – сюда не лазал!

Что кабанчику, впрочем, не помешало...

Капитан обернулся к Джереми, кивнув на колесо:

– Крути давай!

Джереми, забравшийся на площадку позже всех, развёл руками:

– Что за фигня! А почему здесь колесо – есть, а там, – он ткнул большим пальцем назад, – не было?!

– А потому, что люк, который там – *специально* кто-то из

уходящих, ну, покидающих корабль через нос, оставил открытым! Сам люк – зафиксирован. А колесо – *срезано!*

– А чего сразу не сказал?

– Не хотел пугать вас.

– Да? А мы и сейчас не слишком испугались. Так почему колесо-то – срезали?

– Чтоб какой-нибудь му... э-э... чудака из местного паноптикума не смог люк закрыть и запереть. Потому что тогда в первом отсеке никто и ничто бы не выжило!

– Так там никто – ну, кроме наших гарпунисторуких друзей! – и не живёт! А то Матильда нашла бы их по тепловому излучению.

– Это – сейчас там никто, кроме них, не живёт. А откуда ты знаешь, как было восемь тысяч лет назад? Может, там как раз и жил кто-то, ну *очень* интересный тем исследователям, кто работал здесь? Ну, или они просто хотели, чтоб территория для исследований и наблюдений была побольше!

– Ну и где тогда все эти «наблюдатели»? Ведь тогда тут, внутри, должно быть наткано везде видеокамер, а наружу должна быть выведена куча антенн! А они-то как раз и – срезаны! То есть – смотреть, что тут будет твориться, явно никто не собирался!

– Чего ты ко мне пристал? Я тебе что – аналитический компьютер Центрального Разведуправления? Или уж – отдела стратегического планирования Генерального Штаба?

– Согласен, виноват. Приношу извинения за назойли-

вость. – Джереми взялся наконец за штурвал. Вздохнул. Сказал, обращаясь к потолку, – Ну ничего. Я знаю, кого мои «дурацкие» расспросы не доведут до белого каления. Матильда. С чего это наш Хоффер так сердится на обычный, казалось бы, вопрос?

Мягкий голос в наушнике сказал:

– Это потому, что он голоден. Как и все вы. Время ужина прошло три часа назад. И поскольку ваши коллеги в рубке тоже ничего не ели, мне кажется разумным предложить вам всем всё же сделать паузу в проведении миссии, и подкрепиться.

– Вот! Всегда спрашивайте ваш компьютер! Он и накормит, и напоит, и спать уложит! И сопли вам вытрет. И разведочный азарт умерит... И вообще – позаботится так, как никогда не подумает ни одна жена! Если б этого не запрещали разные тупые Уставы и Законы – женился бы на ней!

– Свинья! – голос Памеллы так и звенел от напускного возмущения, – Я тут, понимаешь, стараюсь, хлопочу, типа, всё лучшее, что у меня есть – для него, кобеля неблагодарного, и вообще – только что пылинки с него не сдуваю! А он!.. Да и не сможешь ты. У Матильды – при всём уважении! – нет той волшебной, божественно прекрасной, – ну, по твоей версии! – и обольстительной пикантной штучки, что имеется у меня!

– Вот-вот... На это-то дело я, «кобель похотливый», вечно и введусь...

– Ладно, закончили обмен любезностями, – Хоффер, осознавший справедливость предложения Матильды, прекратил «дебильное», как он его обычно называл, «юморение», – Поесть и правда, было бы неплохо. Потому что и устали, и проголодались мы – явно.

Поэтому.

Отставить крутить штурвал. Здесь, на площадке – самое безопасное место на весь этот чёртов корабль! И вряд ли такое нам ещё попадётся. Грех не воспользоваться. Значит, здесь аватары и оставим на время еды.

Но есть придётся быстро. Аккумуляторов хватит ещё максимум на двое с небольшим суток. Так что – полчаса, не дольше. Матильда. Присмотришь за аватарами?

– Разумеется.

– Превосходно. Всем – лечь!

Своего аватара Хоффер, однако, усадил. Так, чтоб опирался спиной на перегородку. И пушка на плече могла обстреливать и обе лестницы, и пандус.

За ужином в камбузе царило непривычное оживление.

Поскольку пообсуждать и правда – нашлось чего. Ещё бы! Всё-таки – первый действительно *чужой* корабль! Да ещё населённый! Интересными существами.

– Я вот одного не понимаю, – на чёткости дикции то, что Памелла одновременно жевала псевдокотлету, заедая картофельным пюре и запивая соком, не сказывалось, – Здесь же

– невероятные миллионы тонн металла! А он всегда, и у всех цивилизованных существ однозначно – очень сильно ценится! Особенно – такой долговечный и неразрушаемый сплав! Какого же, спрашивается, ... рена эти идиоты бросили всё это дело, да ещё со всеми «зверушками», тут, в космосе?! Причём фактически – на произвол судьбы? Ведь могли бы очень легко – ну, при их уровне технологии! – простерилизовать всё это дело, и пусть даже и не пользоваться, как кораблём, а – банально пустить на тот же металлолом?! Переплавив для вящей гарантии?

– Да причин может быть хоть тыща! – Джереми уже расправился со своей порцией, и сейчас сидел, по традиции полуоткинувшись, и балансируя на двух ножках жёсткого стула, которыми был оснащён камбуз, и ковыряя зубочисткой в зубах, – Например, запустили они этого монстра от металлообработки в космос, лететь в *известном* им направлении. Чтоб, скажем, появился вот именно – запас металла у каких-то их колонистов! А затем у них случилась война! И все, кто оставался на их планете, и в этой самой колонии – повымерли! Ну, а кто не повымер – скатились до пещерного уровня. С каменными топорами и копьями. И им стало – готов поспорить на свою котлету! – не до космоса!

– Не годится эта версия. Потому что лабораторию по созданию монстров уж точно утилизировать – дороговато. И на металл такую никто никогда не пустит!

– Ну... согласен. Тогда – так: они могли доиграться с эти-

ми самыми боевыми вирусами, как когда-то чуть не доигрались на Земле в двадцать первом. Со всякими ковидами, зиками да эболами. И тогда эта зараза могла вырваться, мутировать, и выкосить их там, на планете, за каких-то пару лет! Или даже месяцев!

– А вот этот вариант – очень даже правдоподобен. Учитывая хронический идиотизм и самоуверенность прямоходящих двуногих балбесов из белка!

– Что, Лара, так страшно выглядели все эти микро-зверушки под микроскопом?

– Да, Карл. Они и правда – *боевые* вирусы! Создать вакцину для таких – минимум несколько месяцев! А за это время – сам понимаешь! И я даже не представляю, что с нами было бы, если б такая зараза попала к нам в воздух! Скорее всего – мементо мори!

– Ты имеешь в виду, Лара – к нам сюда – на корабль? Или уж – на Землю?

– И туда и туда.

– То есть – все наши дезинфекционные ухищрения и средства – не помогли бы нам очиститься, если б полезли туда лично? В скафандрах?

– Вот именно, капитан. Вы абсолютно правы. Ведь как ни поворачивайся мы под нашими лампами и распылителями – складочки, и тёмные укромные уголки в этих костюмах, или на подошвах, или в контейнерах с образцами, остаются всегда! Да и на будущее. Могу предположить, что и всем,

кто наберётся наглости, (Ну, или глупости!) сунуться туда – делать это так и так предстоит в аватарах! Которых придётся оставлять внутри!

Навсегда.

– Я уже представляю себе эту картину, – Джереми расплылся в желчной ухмылке, – Вырубленные и сожжённые джунгли, перебитые змеи-хамелеоны-кабаны-мурашки, и целые штабеля «использованных» нашими доблестными учёными аватаров – в каютах кормового уровня!

– Ну, зачем же так пессимистично, – Хоффер наконец закончил трапезу, как и оканчивал её всегда – последним, поскольку любил не торопясь и методично пережёвывать любую пищу, и тоже откинулся на спинку, обозревая унылые серо-зелёные и казённые стены маленького помещения камбуза. Думал он при этом о том, что нужно бы их и правда – перекрасить. Хотя бы – в белый же. Чтоб было не так уныло, и не вызывало желания скорее доесть, и убраться отсюда к такой-то матери! Хотя... Краска здесь осталась со времён славного армейского прошлого судёнышка. Ностальгия!..

Но мысль свою Хоффер продолжил с того места, где остановился:

– Наши учёные – продвинутые учёные. (Как в приколе: «Наши карлики – самые крупные карлики во Вселенной!») Они, во-первых изучат все записи, что в режиме онлайн делает наш бортовой компьютер. И которые сейчас хранятся в матрице памяти Матильды. Причём – с камер глаз всех трёх

аватаров. Затем изготовят дронов-разведчиков. Приспособленных как раз – к местным условиям. Не знаю, может, у них будет по четыре руки, и шесть ног... Или они будут микроскопического размера – с блоху...

Но уж чего у них точно будет – так это огромный заряд в аккумуляторах повышенной же ёмкости! И куча нормальных, а не портативных, мощных анализаторов и приборов! И работать они смогут не три дня, а – месяц! Плюс ко всему – с местной флорой-фауной сражаться не будут, поскольку будут обряжены в адаптивный камуфляж, и собственных провоцирующих запахов точно будут абсолютно лишены!

– Так «собственных провоцирующих запахов» нет и у наших! – это влезла снова Памелла, – Но почему-то «заценили» этот факт только мышки! Ну, и мураши.

– Ну, тут мы углубляемся в дебри этологии. Местной. А почему те или иные виды местного биотопа ведут себя так, или иначе, может выяснить только аналитический компьютер. Большой мощности. Так что на «разборки» точно привезут на линкоре какого-нибудь большого – в прямом смысле! – электронного «умника» из Пентагона. Или Лэнгли. Хотя...

Пара вопросов созрела и у меня. Матильда. Далеко нам идти до местного реактора?

– По моим расчётам – ещё два отсека. Энергоустановка расположена с десятипроцентной вероятностью – в пятом, и с восьмидесятипятипроцентной – в шестом.

– Вот, значит, как. Стало быть, нужно продержаться ещё минимум два отсека. И вскрыть две переборки. Или три. Даст Бог – осилим. – Джереми вернул туловище снова в нормальное положение, – А что у них – в остальных отсеках?

– В двух задних, вероятней всего – преобразователи для двигателей, насосы, запасы топлива. Плюс ремонтные мастерские. В седьмом – скорее всего ещё одна оранжерея.

– Ну а в шестом, стало быть – реактор, генератор, и вся механическая требуха и электронные прибабасы, что их обслуживают.

– Скорее всего – так, Памелла. Нет желания подменить меня – в аватаре?

– Нет, Лара. Ты уж извини, но ребята сказали, что когда вы доберётесь, они займутся – энергоустановкой, а ты – исследованиями тех вирусных и бактериальных «блох», которых наловила. А я в этом – полный профан! Впрочем...

Вот если Хоффер не против – я бы с удовольствием дошла с ним и моим любимым Джереми – до шестого отсека! Каждому же хочется – пострелять и «поприключаться»! А то просиживать штаны, и пролёживать ночную рубашку в нашей, пусть и «Королеве», – быстро приедается! Особенно – когда главный даритель «увеселений» – в «экспедиции»!

– Решено. – Хоффер кивнул, – До шестого отсека с нами идёт Памелла, затем в аватара возвращается снова – Лара. Ну а уж Джереми придётся отдуваться! Как и мне.

А теперь – закончить трапезу. И почистить зубы. И всё

остальное, положенное для личной гигиены, сделать. После чего – загрузиться снова в аватаров. Кстати! Матильда. Кто-нибудь пытался на них... Напасть?

– Нет, капитан. На площадке – всё спокойно!

Хоффер почесал затылок: слышал он эту фразу где-то... Ах, да: в старинной сказке про Аладдина: «В Багдаде всё спокойно!».

Хотя спокойствием там как раз и не!..

«Вселившись» снова в тело своего подопечного, Хоффер внимательно огляделся.

Действительно, всё, вроде, спокойно. В том смысле, что никто из «зверушек» за это время забраться к ним, наверх, не надумал. Как не прилетело и птичек. Видать, все они перешли на «стволово-древесный» образ жизни.

Так что они правильно подобрали, получается, время и место для «привала». Хотя, конечно, ужин занял побольше, чем полчаса...

Ну а всякие микробы-бациллы-вирусы наверняка в местном воздухе так и так – летают. Голодные. И целящиеся на новые жертвы. Только вот тут у них облом вышел. Не поддаются на усилия бацилл-вирусов-микробов пластик и металл...

Он встал. Подошёл к перилам.

Дождь уже кончился, и в «небе» витали снова только лёгкие перистые как бы – облачка. Быстро, впрочем, истаивав-

шие в привычную дымку.

Джунгли не изменились.

– Что, капитан, хороша природа? – Джереми тоже подошёл к перилам. Глядел, однако, на переборку и «солнце».

– Точно. Ну, поехали. Вот он – штурвал.

– Ага. – Джереми вёл себя, впрочем, так, словно ну очень не хочет крутить чёртово колесо. – Прикроешь?

– А то! – капитан встал у перил, напротив люка. Пистолеты направлял вперёд.

Памелла, при всей своей напускной бравате и привычке к юмору, как ни странно, промолчала. Пристроилась справа от Хоффера. И пистолеты тоже держала в руках. Хоффер кивнул:

– Молодец. Быстро усваиваешь местную специфику.

– Приходится. Свою же долю прибыли отрабатываю! И походного мужа охраняю!

– Вот-вот. Ты, подруга, охраняй обоих наших балбесов получше и побдительней! – это влезла Лара, – А то у этих мужиков вечно что-то не то на уме! Вон: я вижу, как у твоего Джереми, когда он смотрел на тебя, даже в аватаре, зашевелились брюки возле ширинки!

– Не можешь ты этого видеть! – Джереми, продолжая крутить массивное колесо, возмущённо фыркнул, – Ты – в рубке, а я – в помещении управления!

– Ничего подобного. Я как раз там же. Пришла проверить, как Памелла закрепилась. А то бывает с непривычки – рем-

ни, закреплённые слабо, могут податься.

Памелла вдруг захихикала, её аватар задёргался:

– Лара! Кончай! Я щекотки боюсь!

– Ревнивая, значит.

– Ну, не без этого.

– Ну ладно. Словом: присматривай тут за ними. А я – спать!

– Так, хорошо. А теперь – к бою. Зашипело! Чувствую – подаётся!

Матюгнувшийся Джереми отвалил наконец массивную и тоже очень толстую створку к стене. Свет за ней тоже имелся.

Но изнутри никто не спешил появляться. Или – выбегать. Или вылетать.

Глядя вглубь длинного, широкого, и тоже освещённого матовыми плафонами на подволке коридора, Хоффер вздохнул. Впрочем, отсутствие в поле зрения врагов ещё ничего не значило! Они прекрасно могли (Как показала практика!) выскакать и из-за углов. Ну, или из кают – дверей по бокам коридора тут тоже имелось предостаточно.

– Матильда. Что из себя представляет этот отсек? Для чего он был нужен? – Хоффер вдвинул тело аватара в проём, остановив, впрочем, в двух шагах от входа – знал, что этого их компьютеру для работы со встроенными сканнерами аватара достаточно.

– Судя по сканированию, здесь имеется очень много операторских. То есть – комнат с видеоборудованием, из ко-

торых следили за тем, что происходит во втором и, похоже, седьмом секторах. Есть и много комнат, где явно были лаборатории. Вижу много операционных. С большим количеством приборов. И инструментов. Так что, скорее всего – научный блок. Для создания, модификации, и изучения поведения созданных организмов.

– Вивисекторная, короче. – Джереми, проплавливающий очередное отверстие для антенны промежуточного, на капитана не смотрел.

– Джереми. Выражайся научнее!

– Куда уж научнее! – пыхтящий Джереми как раз закончил с антенной и герметиком, и закручивал штурвал за спиной стоявшего с планшетом на предплечьи Хоффера и вошедшей вслед за ним Памеллы, – Как не вспомнить Уэлса с его «Островом доктора Моро»!

Хоффер не нашёл, что возразить. Поэтому, убрав виртуальный планшет назад, просто двинулся вперёд:

– Матильда! Что там – с обитателями?

– О! Их тут много. Но рядом с вами сейчас никого опасного и большого не вижу.

Как бы опровергая её слова с подволка на голову Хоффера упало что-то вроде небольшого плоского одеяла – да так быстро, что он даже не успел испугаться, или прикрыться рукой. Матильда, судя по её запоздалым попыткам обеими руками Хоффера стащить странную штуковину с головы, тоже опоздала!

Что казалось вообще – невероятным!

Зрение вдруг пропало, в голове капитана словно взорвался фейерверк разноцветных петард! Голову сдавило стальным обручем, и в мозг словно впились миллионы иголок!

Боль оказалась мгновенной и поистине адской!

Но Хоффер не успел даже открыть рот, чтоб заорать благим матом!

Очнулся мгновенно, в собственном теле – похоже, автоматика отключила аватара из-за опасности для его жизни!

А такого на его памяти не случалось вообще – никогда!

Потому что ну вот – нет в теле аватара рецепторов, способных передавать боль или иные опасные для жизни сигналы «обратной связи» – разработчики уж позаботились!

Наушничек, вживлённый в ухо ещё в учебке, ожил, заорав голосом Джереми:

– Хоффер!!! Ты жив?!

Но ответить Хоффер смог, только отдышавшись:

– Вроде, да. Только... Я – в своём теле. В-смысле – на «Королеве».

– А что случилось?! Твой аватар грохнулся на пол, и сейчас мы с Матильдой дожигаем плазменной горелкой ту фигу, что накинута на тебя!

– Не знаю я, что случилось. Нет, как на мою – тьфу ты – аватара! – голову что-то сверзилось, я помню. А потом – словно огненные брызги шампанского, и в голове всё словно взорвалось! Тот ещё «большой взрыв»!.. И голова дико забо-

лела. И сейчас ещё побаливает... – Хоффер потрогал коротко стриженный затылок, но там, вроде, всё было в порядке, – Как он там? В-смысле – мой аватар? Повреждений нет?

– Ну... Если не считать ожогов на пластике... И немного оплавленной псевдокожи на затылке – цел.

– А что там – с этой дрянью?

– Эта «дрянь» благополучно превратилась в жалкие тонкие ошметки и пепел. И Памелла дожигает её остатки, пока я ворочаю тебя.

– Чёрт... До сих пор – больно. И голова... Словно осёл лягнул! – Хоффер, не торопясь снова влезать в, по уверениям напарника, целый аватар, покосился на потолок, – Матильда! Сделай мне, обезболивающее, что ли!

На подволке операторской открылся люк. Из него быстро появился манипулятор с инъектором. Из ткнувшейся в кожу стальной головки в шею Хоффера ударила сверхскоростная струя мутно-белёсой жидкости.

Он растёр ладонью место инъекции. Покрутил головой.

– Ну вот. Уже полегче. Так что это было?

– Не знаю. Вероятней всего – какой-нибудь паразит!

– Блинн. Хоть ты, Джереми, и не биолог, но весьма вероятно. Не вовремя же Лара ушла спать!

– Да и ладно! Главное – ты – жив! И плевать, из какого подкласса и подотряда эта тварюшка! Сожглась же! Без проблем! Да и не думаю, что даже Лара сталкивалась с такой!

– Пожалуй. Но то, что мы её уничтожили, ещё ничего не

доказывает.

Вот только не пойму, как она умудрилась избежать обнаружения со стороны Матильды?!.. Матильда?

– Она абсолютно сливалась с поверхностью потолка. И толщина её тела не превышает нескольких микрон. И тело ничего не излучало! То есть – она больше всего напоминала простой лист бумаги: без признаков жизни, под цвет подволка, и тончайшее.

– Но как же тогда эта штука смогла напасть на меня?! Да ещё двигалась так быстро! И ни фи́га от головы не отрывалась!

– Ну почему же? Отрывалась. До момента полного, если мне позволят так выразиться, отрывания её от твоей головы, прошло всего одиннадцать сотых секунды!

– Значит, она за *это* время успела мне *так* досадить?!

– Получается, так. И я должна извиниться, что не увидела её. И не предохранила. Единственным оправданием мне может послужить тот факт, что ничего такого в моей памяти нет! И я с сожалением вынуждена констатировать, что с *такой* формой жизни я ещё не сталкивалась!

Да и никто ни на Земле, ни в космосе – не сталкивался!

7. Третий отсек – продолжение

– И чем это нападение... И воздействие... Может грозить мне лично?

– Затрудняюсь дать точный ответ. Поскольку, хотя время воздействия этого создания на твой разум, пусть и через каналы радио- и телесвязи, было минимальным, но уж очень интенсивным. Ты сам ведь сказал: «словно огненные брызги шампанского»!

Хоффер, которого невольно передёрнуло при воспоминании, вздохнул:

– Как считаешь, могла она за это время... Считать мой разум?

– *Считать* с десятипроцентной долей вероятности – могла. А вот расшифровать, вникнуть, и понять существо, с явно чуждым образом мышления и «менталитетом», да ещё с такой конструкцией её тела – вряд ли. Ведь у неё не имелось ни центральной, ни вообще какой-нибудь нервной системы. Стало быть, она вряд ли вообще – разумна!

– Неправильно вы ставите вопрос. – это влезла Памелла, – У глистов мозга тоже нет, но жить им это не мешает. Нужно спрашивать, не могла ли она тебя, Хоффер, «считать», а наоборот: могла ли она тебе в мозг за это время чего-нибудь – впендюрить!

– Смотри-ка, кто бы мог подумать! – Джереми с интересом взглянул на свою теперь и «боевую» подругу, – А ты, оказывается, и соображаешь. И – параноидально настроена! Ужасиков, что ли, насмотрелась?

– Нет, фантастики. Там сценаристы – чертовски, как говорит Хоффер, изощрены. В придумывании разных типов инопланетных монстров, уродов, и универсальных межвидовых паразитов. Начиная с «классического» Чужого – того, который Фостера. При этом этим гадам – я имею в виду фантастов! – абсолютно не мешал тот факт, что за всё время освоения что космоса, что колонизируемых планет, нам так и не попало ни единой формы инопланетной *разумной* жизни! Не говоря уж о – желающей бы людей – поработить... Ну, в крайнем случае – сожрать! А их планетку – оттяпать.

– Красиво излагаешь. Прямо как моя первая. – Джереми криво усмехнулся. На бесстрастном лице аватара это отобразилось... гротескно и странно, – Из личного опыта могу порекомендовать не щеголять тут своей подкованностью и поменьше трясти интеллектom.

А то разведёмся, даже не успев как следует в нормальный брак вступить!

– Ничего страшного, что я тут «щеголяю». Как гласит народная мудрость, когда встречаются умная женщина и глупый мужчина, получается идеальный брак!

– Да-а? А тогда что бывает, если мужчина – умный, а женщина – дура?

– Мать-одиночка.

– Так, вы, двое. Кончайте прикалываться и пикироваться. Я сейчас попробую вселиться назад. Прикройте.

Когда Хоффер снова обрёл зрение из глаз аватара, его напарники действительно «бдили»: Памелла – в один конец коридора, Джереми – в другой.

– Ну, как тут?

– Тепло. И сухо. Если ты об этом: вон, термометр в руке Памеллы показывает плюс двадцать два Цельсия.

– Смешно. – Хоффер фыркнул, – А как в плане окружающей обстановки?

– Ни одна плоская сволочь больше не пыталась напасть.

– И то – радуется.

– Кстати... Ты-то – как себя чувствуешь? Голова прошла?

– Ну... Не совсем. Там, в глубине, ещё что-то ноет. А так – нормально. – Хоффер покрутил головой, инстинктивно держа рукой то место, куда получил инъекцию.

– А что чувствуешь там, в сознании? Ты – это ещё – ты? Не пытались тебя поработить злобные «чужаки»? – аватар Джереми нагло лыбился. Что смотрелось ещё хуже.

– Памелла. – встав на ноги, Хоффер с деланным возмущением обернулся к их новой спутнице, – Прекрати эти штучки! Видишь же сама: твой Джереми – ну *очень* сильно внушаемый! Однако пламенное воображение всяких сценаристов и скучная и приземлённая действительность – две большие

разницы!

– Ну... Согласна. И, раз ты говоришь, что – в порядке, не вижу смысла тебе не верить. Ведь ты – главное заинтересованное лицо! А если что – «коварно» затаишься!

– А, ты о том, что меня *уже* «поработили»? И я бы постарался скрыть это?

– Ну, типа, да. Смотрела фильм «Кукловоды». Там межвидовые инопланетные паразиты нашли способ подключаться к сознанию людей, и управлять ими. Как куклами!

– Думаю, за это беспокоиться не нужно. Было оно на мне – вернее, даже на аватаре! – одиннадцать сотых секунды. И Матильда, пусть и моими руками, его сняла. А вы его сожгли. Да и автоматика – вообще отключила меня! Хотя я ситуацию не понимаю: если эта тварь так охотилась, чтоб «вырубить», а затем сожрать жертву – у неё и зубов-то нет... Не говоря уж о – желудке.

Бессмыслица какая-то.

– Ладно. Но мы на всякий случай всё равно будем за тобой присматривать! Вдруг у тебя вырастут рога! Или хвост! Или глаза вылезут на лоб! И ты начнёшь носиться по «Королеве» с дикими воплями, стреляя во всё живое! И неживое.

– Знаешь что, Джереми... Я тебе это припомню!

– Всё-всё, молчу! Свой «тупой» юмор приберегаю для более подходящих случаев! – Джереми деланно показательно закрыл аватару рот пальчиками на воображаемую молнию. Но не выдержал, – Хотя какой случай может быть более под-

ходящий, чем этот!

Ха-ха-ха!

Хоффер подвёл глаза к потолку:

– Матильда! Ты видишь, с кем мне приходится работать?!

И этот – называет себя моим другом! Ни капли сочувствия потенциальной жертве «межвидовой» агрессии!

– Так я!..

– Хватит. Двинулись наконец. А то никогда не дойдём!

Пока шли по коридору, снова двигавшийся впереди Хоффер смотрел по сторонам. И невольно часто кидал взор на подволок. Хотя и понимал, что нет у него ни сенсоров, ни датчиков, чтоб идентифицировать существо, не отличающееся по цвету от этого самого подволка, и даже реакции их компьютера может не хватить, чтоб убереечь его от нового нападения. Поэтому на всякий случай левую руку Хоффер всё равно держал на затылке.

Но Матильда уверила его:

– Впереди нет больше ни одного такого же организма! Я использовала для проверки коридора гамма-сканнер и ультразвук. И даже постреляла из теплового пистолета.

– Ну, утешила. – поскольку Хоффер и сам слышал почти беззвучные вздохи орудия на плече, и понимал, что защищён. Но всё равно: приятно было, что Матильда провела «превентивное» профилактическое санирование чёртова коридора.

И вот они подходят к большой комнате, в центре которой

имеется нечто вроде прозрачного громадного цилиндра из стекла, или прозрачного пластика, а по периметру – кольцевой коридор, и восемь расходящихся в разные стороны тоннелей.

Хоффер, похлопав по явно толстой прозрачной поверхности, глянул вверх. Вниз:

– О! Чтоб мне лопнуть!

Джереми, подойдя и тоже глянув, аж присвистнул:

– Твою ж мать!..

Памелла оказалась в высказываниях куда конструктивней:

– Была бы здесь Лара, точно потребовала бы спуститься, и изучить этот паноптикум вблизи! Зрелище то ещё!

Действительно: раскинувшийся под их ногами мир можно смело было назвать великолепным зрелищем. Водное пространство соседствовало с обширной степью.

– Вот ещё! – Джереми пожал плечами, – Только время тратить! Пусть наши доблестные эти, как их... А, да: учёные всё это изучают! А мы – пытаемся просто... Подзаработать! На патентах!

– Верно. Поэтому пусть Матильда всё это богатство отсканирует, отснимет, запротоколирует, и заархивирует. А мы – двинули дальше. Вот, кстати. Матильда. Куда?

– В четвёртый справа коридор. Он ведёт прямо к очередному люку. Со штурвалом.

Пока они шли по короткому, не более ста шагов, коридо-

ру, Памелла не без интереса изучала уже на своём планшете то, что вывела туда по её просьбе Матильда.

– Могу вас обрадовать. Океанариум здесь – как в парке Мэриленда, на Земле. То есть – небольшой. Глубина – десять метров, ширина – пятьдесят. И длина – сто. И живут одни медузы. На всякий случай напомним, хоть я и не Лара: это единственные известные человеку, реально – безмозглые существа!

Ну а в искусственной саванне, что соседствует с бассейном, площадью в полтора гектара, живут только... Черепахи! И козы. И травки и акаций у них – предостаточно.

Черепахи вполне... Традиционны. В-смысле – выглядят, как галапагосские. Метр на метр на метр. А вот козы... Хоть я и не биолог, но думаю, на козу интересно будет взглянуть и вам! В качестве материала к размышлениям! Остановитесь-ка на минутку!

Хоффер решил послушаться – ведь Памеллу, похоже, что-то *очень* поразило, раз решила остановить их! Он глянул на укрупнённое изображение на виртуальном планшете.

Вот это да!

Странное существо, имевшееся в центре экрана, только очень большой оптимист назвал бы – козой!

Да, у него имелись четыре ноги с острыми раздвоенными копытами, и туловище...

Но на этом сходство и кончалось.

– Странно. А где же – голова?! И вообще – как она... Оно

– ест?! И видит?!

– А я вас удивлю. Голова у него – на животе! И она, словно кенгурёнок у кенгуру – вылезает из сумки! И ест! И с глазами у неё всё в порядке. Единственное, что меня в её физиологии... Вот: задний проход у неё располагается – сразу за затылком!

– То есть – ты хочешь сказать, что всё тут как в анекдоте про женщину с большой-большой э-э... попой? Голубые глаза – и сразу – ...опа?!

– Хватит, Джереми. Этому приколу – лет пятьсот! – Памелла сердилась.

Посерьёзневший же Хоффер сразу «врубился» в суть проблемы:

– Думаешь, она так устроена для того, чтобы избежать падений со стороны такого «друга», что набросился на моего аватара?

– А для чего же ещё?!

– Логично, конечно... Хотя шерсть, по-идее, должна бы защищать от прямого контакта! Ведь я так понял, что у черепах – толстый панцирь защищает?

– Да, наверное. А вернее – точно. Раз выжили! Думаю, головы прикрыты тем ещё «козырьком»! Ну а остальные зверушки, кто, как говорится, «не спрятался» – повымерли! Потому что уж в саванне-то обычно млекопитающих и птиц хватает: тут тебе и зебры всякие, и слоны, и носороги, и цурикаты, и страусы, и грифы...

– Не думаю, что здесь разводили цурикатов. Скорее уж – что-нибудь потенциально злобное и опасное. Типа носорогов: вот уж – живой танк! Нападёт – мало не покажется!

– Не забывай, Джереми: чем больше размер нападающей на солдата твари, тем больше у неё инерция и меньше скорость. И, соответственно, легче в неё попасть! А если пули – как наши, так дольше пары секунд ни один носорог не проживёт! Разве что будет – бронированный. Но такой просто ходить, а не то, что – бегать, не сможет.

– Ба, Наташа! Давненько не «слыхались»... А я уж подумал, что ты, как Лара – пошла спать!

– Нет, Джереми. Пока держусь. Уж больно интересно посмотреть, кого, или что вы найдёте в соседнем отсеке! Но! Если будет не интересно – точно пойду на боковую! Так что вы уж постарайтесь! А то черепашками да «кенгуровыми» козами меня не поразить!

– Нет-нет, не уходи! Мы и правда – постараемся всё сделать, чтоб тебе было интересно! А то и сами чего придумаем!

– Нет уж! Лучше постарайтесь сделать, чтоб вам было – просто безопасно!

– Договорились. – Джереми притворно тяжело вздохнул, проворчав, – Стрелять только пока – не в кого! А в подволок у нас палит Матильда!

В «паноптикум» единогласно решили не спускаться.

Хоффер, вздыхая и всё ещё автоматически растирая за-

тылок, напрямик двинулся по коридору к видневшемуся в его конце штурвалу в люке. Голова практически уже не болела, но он пока находился под впечатлением. Да и колени мелко и противно дрожали.

Но то, что Матильда продолжала, судя по периодическим тихим стонам пушки на плече, проверять и «зачищать» подволок, не могло не напрягать. Заставляя держаться за оружие правой рукой. Левой Хоффер снова прикрывал затылок.

Памелла вдруг сказала:

– Что-то мы совсем позабыли проверять те каюты, что у нас встречаются по пути. Заглянем? Хотя бы в эту?

– Ну, давай.

Однако выбранная женщиной каюта оказалась заперта.

– Ах, вы ж паршивцы такие! Заперлись там, понимаешь! Видать, что-то ценное там припрятано! – Джереми оттеснил женщину, держа в руке плазменный пистолет, – Ну-ка, дай я хоть что-то здесь взрежу и высажу! Да и вообще: чего не сделаешь, чтоб потрафить желаниям любимой женщины!

– Не подлизывайся. Увеселений сегодня всё равно не будет. Я устала!

– Ты бы ещё сказала, что как у Хоффера – голова болит.

Хоффер решил не вмешиваться в «семейные разборки», и не возражать, и Джереми за пять секунд вырезал в двери напротив замка оплавленный полукруг.

Теперь дверь открылась.

Ну и – ничего.

Пустая каюта практически не отличалась от той, с кучкой костей. Разве что картины на стенах были другими. Памелла сказала:

– Нет. Не верю. Меня сюда – прямо потянуло!.. Подождите – я быстро!

Женщина заскочила внутрь почти бегом, и исчезла в спальне. Вернулась через минуту, торжествуя – со шкатулкой в руке!:

– Вот! Была спрятана в стенном шкафу – на верхней полке!

– И – что?

– Как – что?! Спорим на твою долю икры на завтрак – внутри драгоценности?!

Джереми заржал:

– Ха-ха-ха! Ничего не забыла? Толку-то тебе в этих «драгоценностях»?! Мы же решили аватаров и всё барахлишко, что у нас в рюкзаках и кейсах – оставить здесь! Чтоб не связываться с дезинфекцией!

– Вот же чёрт... – Памелла откинула со лба несуществующую чёлку, – Твоя правда! Инстинкт сработал. Забрать не выгорит... Но я всё равно – посмотрю... Вот же сволочи... Заперто! А, у меня же есть нож!

Памелла положила коробочку размером с коробку для сигар, на пол, и вбила ударом кулака лезвие десантного ножа, извлечённого из отделения на бедре, в щель между крышкой и корпусом. Коробочка со звоном открылась.

На пол высыпались сверкающие разноцветные камни в оправках: синие, красные, зелёные... Памелла выругалась. Вздохнула, словно очнувшись от сна. Сказала:

– Блинн... А вот о таких серёжках я мечтала с детства. И кулончик с цепочкой – очень даже... ну а кольца – явно не мой размер.

– Ты можешь, конечно, всё это затолкать в контейнер, чтоб уж осталось на твоём аватаре. Тогда в случае, если тут, на корабле, проведут глобальную зачистку и дезинфекцию, ну, лет эдак через пятнадцать, ты сможешь забрать «своё имущество».

– А вот и нет, Джереми. – это снова оказалась Наташа, – «Нашего» там ничего заведомо – нет! Согласно Закону – только премия. А все материальные предметы и ценности – принадлежат Федерации! Как и любой клад. Наш, или инопланетный – без разницы.

– Обломила ты нашу кладоискательницу, бессовестная ты морда, – это влез Карл, – Но ты, Памелла, её не слушай. Давай: греби! И складывай в тот контейнер, что на боку! В него помещается больше! Тебе тогда будет куда приятней!

– Ещё бы: носить *в себе* такие ценности! Красота! Жаль только – никто не увидит!

– Свинья ты, Наташа!

– А я беру пример с Джереми!

– Вот, кстати о Джереми. Ты, Памелла, можешь и правда – всё это собрать. И забрать. Если тебе это приятно. – тут

Хоффер снова вернулся к серьёзному тону, – Ну а мы с моим верным и преданным другом пойдём открывать очередной штурвал!

Коридор за очередной переборкой и люком ничем не отличался от предыдущего.

Хоффер поторопился войти:

– Матильда! Сканируй. Что тут интересного? Для Наташи и для нас?

– Рубка управления кораблём.

– Да-а?! А ну-ка: веди!

8. Рубка

Дошли быстро: рубка, как одно из самых главных помещений, располагалась в месте, максимально защищённом. То есть – в центре отсека, и в центре окружности, описанной цилиндром наружного корпуса. Как сообщила Матильда – бронированного и усиленного дополнительными переборками и броневыми щитами.

Правда, пришлось подняться на два этажа.

На кресле перед центральным экраном имелся скелет.

Вернее, это когда-то раньше он был скелетом. А сейчас груды костей, вперемежку с обрывками ткани, валялась на полу под креслом, и на сиденьи. Кверху изнаночной стороной валялась и фуражка – явно капитана, так и предпочтешего встретить смерть на посту.

А вообще-то вся рубка, большое и светлое круглое помещение, была уставлена по периметру железными пультами – явно управления! – а стены увешаны экранами. Работающими. И показывающими все отсеки – и те, которые они прошли, и те, которые располагались в корме. И действительно – в седьмом оказалась ещё одна «оранжерея», а в восьмом – огромные механизмы и ёмкости – точно от маршевых двигателей.

Кроме мертвеца в кресле капитана, в помещении ничего

постороннего не имелось – даже стулья, или кресла, которые тут наверняка предусматривались для дежурной вахты, отсутствовали. Вероятно, как и всё содержимое кают, упокоились они в конвертере. Чтоб служить почвой и питательной средой той биоте, что ещё жила во втором, третьем, и по подтвердившимся теперь раскладкам Матильды – седьмом...

А вот из-под капитана кресло выдернуть не посмели. Как и побеспокоить его прах.

Хоффер невольно почувствовал эмоциональную напряжённость момента: первый фактически человек, обнаруженный ими тут! Пусть и мёртвый, и не совсем целый...

Но долг перед своей страной и совестью он исполнить постарался!

Такое – не может не вызывать уважения!

Хоффер отдал честь:

– Покойся с миром, неизвестный нам инопланетянин. Похоже, ты был на своём посту до конца!

Джереми тоже отсалютовал, но – промолчав. После чего прошёл направо. Там, в огромных экранах, отображалось то, что явно заинтересовало его:

– Хоффер! Посмотри сюда! Реакторный отсек!

Хоффер, до этого бросивший на это чудо техники лишь беглый взгляд, отошёл от кресла почившего. Подойдя, как и придвинувшаяся и вставшая чуть позади своего контрактного мужа Памелла, долго рассматривал то, что имелось на двухметровых плоских мониторах. Наконец Памелла сда-

лась:

– Вот же блин... Наворочено, конечно, от души! Выглядит жутко науко- и техногеннообразно! Но! Ни фига мне эта хрень не говорит!

Джереми пожал плечами:

– Согласен. Текстовая часть, имеющаяся на вспомогательных мониторах, если только эти закорючки можно считать за буквы и цифры, абсолютно непонятна. А вот внешний вид самого «реактора» никаких сомнений лично у меня не вызывает!

– Да-а?! И что же ты углядел, глазастый мой аналитик?

– Это – не реактор! Ну, вернее, это не реактор в привычном нам стиле и смысле. Это, скорее всего, токамак. То есть – устройство, где производится *не* реакция ядерного распада, как это принято на наших кораблях для простоты обслуживания и облегчения и упрощения и удешевления их конструкции. (Да и на поверхности планет-колоний пользуются такими же.)

А более «продвинутый» аппарат. Где осуществляют ядерный *синтез*.

Что даёт на порядок больше энергии! И практически – вечной! Потому что в секунду синтезируется всего-то – с пару десятков ядер водорода. Или какого-нибудь другого вещества. И всё равно энергия – чудовищна! И проблема лишь в том, как её отвести, и преобразовать, а само устройство – охладить!

Теперь понятно, и почему он такой маленький (Ну, сравнительно!): сама камера для синтеза, по расчётам так и не построенных её наших умников в белых халатах, может иметь не больше кубического метра в объёме! Единственное, что напрягает, что рассчитать-то они всё рассчитали... Да только все попытки построить и запустить кончались жутко разрушительными взрывами. Три последних – правда, к счастью, в космосе. Чтоб уж не уродовать поверхность любимой прародины десятичными дырами.

Ну, а все эти охлаждающие контуры, трубопроводы, и круглые катушки вокруг, имеющие в поперечнике метров сорок, как раз – система охлаждения, и стабилизирующие и удерживающие синтезируемые продукты внутри, магнитные ловушки.

А вообще всё это похоже на чудовищно огромный промышленный трансформатор. И, собственно, так и должно быть. В таком устройстве.

Чтоб контролировать и сдерживать колоссальную силу, рвущуюся наружу!

– Ну и обломил ты нас! По полной. Получается, чтоб добраться до сердца чёртового устройства, до главной камеры, и понять, *как же* она, зараза такая, устроена, придётся так и так продирааться через двадцатиметровый слой всяких там проводов-обмоток- трубопроводов-магнитных-сердечников?!

– Боюсь, что так, Наташа.

– Пф-ф!.. Я пошла спать.

– Нет-нет, вернись, наша прелесть любознательная! Я всё прощу! И экскурсию по «памятным местам» – гарантирую!

– Ну уж – нет. Хотя... Ведь это – только изображение с камер, расположенных в реакторном отсеке?

– Разумеется!

– И отсюда, то есть – из рубки, вам так и так ничегошеньки понять не удастся?

– Ну... да.

– В таком случае, разбудите меня, когда дотопаете до этого самого отсека с «токамаком» – вживую. Тьфу ты – в аватарском!

А уж тогда я поприкалываюсь. Вволю. С ваших тщедушных попыток дотумкать, как эти гады всё устроили!

Хоффер, всё это время действительно пытавшийся разобраться в сложном устройстве, имевшемся на экранах, и построенном явно с игнорированием всех человеческих инженерных принципов, и научных знаний, вздохнул:

– А знаете что... Пожалуй, Наташа где-то права. Ни ... рена мы отсюда, из рубки, не поймём. Да и, если честно, я уже мало верю, что и оттуда – с места событий! – хоть что-то поймём. Не говоря уж о том, чтоб «разобрать по винтикам», и взять патенты!

– Хоффер! Ты – что?! Сдаёшься?!

– Вот уж нет, Джереми. Я просто хочу сказать, что без подсказок, чертежей, и технической документации мы тут и

правда – ...рен разберёмся! Поэтому.

Матильда. Достаточно ли у тебя здесь текстового материала, чтоб сносно перевести то, что тут выведено? – Хоффер указал на два экрана с «текстовой» информацией.

– Материала недостаточно. Многие термины имеют чисто техническое, специализированное, значение, и переводу и дешифровке не поддаются без чертежей. И инструкций. И прочей справочной литературы.

Хоффер вздохнул. Столы с приборами управления, явно когда-то тут имевшиеся, наверняка почили в почве отсеков со зверушками. Так что в их ящиках не пошаришь. Как и документацию в местных архивах искать – явно бесполезно. Да и негде!

– Ладно. Покажи, что удалось перевести. – он снова откинул на предплечьи планшет. Появились буквы и закорючки чужого языка. Перемежавшиеся знакомыми словами.

«Направо» – слово из закорючек – «повернуть» – три слова из закорючек – «упор» – точка. «Для надёжного» – и целая вереница слов из закорючек.

Дальше – десятки строчек с таким же примерно «богатством содержания».

Джереми взвыл:

– Свинство! Ничего не понятно! Ни – где параметры давления, ни температура! Ни даже элементарно – мощность! Без чертежей там – точно ловить нечего! А чертежи, как и прочая важнейшая документация – уничтожены! Пошли на

компост! Сволочи!

– Ну уж нет. Никакие они не сволочи. А всё правильно сделали. В-смысле – чтоб предотвратить утечку важнейшей информации в лапы наглых и жадных инопланетников. Я бы и сам так поступил. А ты давай – так просто не сдавайся. Тебе не положено. Ты у нас – электронщик. И двигателист. Да и Памелла ждёт денег!

Вот и топай. А как дотопаешь – работай!

– А ты?!

– А я, как пострадавшее от неожиданного коварного нападения лицо, получившее внеплановый шок, пойду восстанавливать силы. И душевное равновесие.

К Ларе в объятья.

– А кто же?!..

– А вон: Карл меня подменит. Что, пострелять не сможет? Сможет. Вот и пусть для разнообразия разомнёт косточки! Всё равно ни ...рена не делал с самого начала миссии! Даже не болел за нас, как Памелла и Наташа.

– Так он же – геолог?! А что геолог понимает – в...!

– Я – профессиональный кадровый солдат. – прервал Хоффер пузырившегося Джереми, – а сейчас – суперкарго и бухгалтер. И тоже ни ...рена не понимаю в чёртовых «то-камаках». Да и в наших реакторах я тоже ни ...рена не понимаю, и никогда не понимал, если честно. Так что замена вполне адекватна. А я хоть выплусь. После того, как Матильда вкатит мне ещё обезбаливающего!

– А что – болит? – Джереми сразу остыл.

– Да. Болит, будь оно неладно. Где-то там, в глубине. Так у меня сроду не болело. Да у меня, если честно, вообще никогда не болело! В голове. Даже с похмелья! Хотя коллеги все как один жаловались... Так что – пока здесь безопасно, мы и произведём замену.

Карл. Давай.

Карл, за то время, пока решали его «судьбу», так и не сказавший ни слова, словно это его не касалось, наконец высказался:

– Неправда ваша. Я – болел за вас. Даже пальцы держал скрещёнными.

Но после того, как мы увидели их энергоустановку, я, конечно, мало верю, что нам за оставшиеся двое суток удастся разобраться в её устройстве и работе настолько, чтоб взять патенты. Но я с удовольствием, как говаривает Памелла, развлекусь и развеюсь, лично пройдя по оставшимся двум отсекам. Постреляю, поплюю в стороны...

А то у меня уже мозоли на ягодицах от просиживания кресла.

Приняв душ, Хоффер долго и тщательно растирался махровым полотенцем. Хмурился. Его почему-то упорно преследовала мысль, что они что-то упустили. Важное.

Такое, что могло бы помочь им в решении проблемы странного корабля.

Не проста же его, будь он трижды неладен, покинули?!
Да ещё заделав все дыры, и посрывав все наружные передаточно-приёмные устройства. Наверняка так сделали, чтоб предотвратить поступление этих самых сигналов!

Вот только оттуда – сюда, или отсюда – туда?..

Выйдя в комнату, и надевая на ходу рубаху от пижамы, он спросил:

– Матильда. Как там у ребят?

– Двигаются, капитан. Уже подходят к очередной изолирующей переборке.

– Вот-вот, по поводу этих переборок. И наружного корпуса. Хотел тебя спросить.

– Да, капитан?

– Для чего, на твой взгляд, срезали с этого самого наружного корпуса – антенны, противометеоритные пушки, камеры, и все прочие устройства?

– С вероятностью более девяноста семи процентов – чтоб помешать передаче сигналов. Изнутри корабля – в открытый космос.

– Но что за сигналы это могли быть? Такие опасные, что ли? А для кого?

– Недостаточно информации, чтоб ответить точно.

– Ну ...рен с ним – ответ неточно!

– Вероятней всего, это могли быть сигналы бедствия.

СОС, проще говоря. Так вот, вероятней всего те, кто это сделал, во что бы то ни стало стремились предотвратить прилёт

тех, кто, приняв такие сигналы, попытался бы оказать эту самую помощь.

– И что же это была бы за помощь?!

– Вероятней всего, помощь тем, кто остался на корабле, внутри, не требовалась. И сигнал был просто – приманкой. Чтоб хоть кто-то прилетел. *На корабле*. И вскрыл бы заваренные люки. И вступил в прямой контакт. С теми, кто *очень* этого хотел.

– Да, это-то я понял. Но – для чего?!

– Вероятней всего для некоего... Заражения. Теми продуктами военных разработок, которыми здесь занимались.

И чтоб затем эти спасатели разнесли эти продукты – в населённые места.

Как когда-то на Земле разносили всякую заразу чумные крысы, плавающие с мореходами. На морских кораблях.

– То есть, те, кто остался тут, внутри, после того, как сбежали все, кто ещё не заразился, хотели не столько спастись, сколько – позаразить, и, стало быть, поубивать, как можно больше других людей?

– Вероятность именно такого варианта – девять с четвертью процента. И это – самая большая вероятность из всех тех вариантов, что я смогла спрогнозировать.

– И какие же там ещё остались... варианты?

– Например, захват корабля инопланетной ксеноморфой. Как в только недавно упоминавшейся вами киноленте «Чужой». И ей нужны – «носители». Или социальная револю-

ция, приведшая бы в случае общения мятежников с соплеменниками, к свержению существующего Правительства. Или попытка захвата и угона этого корабля с целью освоения запрещённых к колонизации планет. Или...

– Достаточно, Матильда. Бред всё это.

– Не совсем. Вероятности колеблются от трёх, до одной сотой процента. А всего таких версий-вариантов у меня сто двадцать девять.

– Замечательно, конечно... Но ситуация ясней не стала. Пока. Поэтому пошёл я спать. Буди, когда ребята доберутся до «токамака». Ну, или чего-нибудь упорют.

– Есть, капитан. Спокойной ночи, капитан.

– Спокойной ночи.

Лара, отвернувшись к стене лицом, если честно, выглядела сексапильно. Изящный изгиб её бёдер, накрытых только тонкой простынёй – в спальне Матильда поддерживала плюс двадцать три – будил воображение, заставляя шевелиться то, чему положено было шевелиться...

Хоффер как-то отрешённо подумал, что вот в этом – весь человек. Его странная и парадоксальная сущность. Покажи мужчине, например, на нудистском пляже – полностью обнажённую даже супер-раскрасавицу, он и не почешется. Но прикрой «обнажённую натуру» даже тоненькой ниточкой стрингов... Ну, или – простынёй – и – всё!

Тестостерон затопляет естество, отключает самокон-

троль, и хочется – !..

Да. Хочется!

Но – не сегодня. Да и партнёршу жаль будить. Пусть отсыпается.

Он осторожно забрался со своей стороны на их двуспальную постель. Посидел немного. Бесцельно рассматривая ноги. Ступни и пальцы. А что: сорок четвёртый, вполне себе ровный, и с аккуратно подстриженными ногтями.

Ничего путного не надумав, он тоже залез под простыню. Свою. Лёг на спину.

Подволок у них тоже, конечно. Белый... Да только куда ниже, чем там, на корабле чужаков. Ну правильно: у них – коммерческая, и переделанная из армейской, посудина. А там – масштаб! Учёные! А они не должны чувствовать стеснения и бытовых неудобств...

А то ничего не откроют!

Но тут, судя по всему, открыли.

Да ещё такое, от чего пришлось отгораживать остальной Мир!..

За каким, спрашивается, ...уем они-то – полезли внутрь?!

Пусть и в аватарах?!

Впрочем, ответ он знает.

За тем, что «двигает прогресс». И заставляет открывать новые земли. И горизонты.

За деньгами.

Он стоял на огромной плоской равнине.

Нет, не так! На простиравшейся до самого горизонта во все стороны, стальной гладкой поверхности! Серой. Солнца видно не было, но всю равнину заливал матовый тусклый свет. Сиренево-розовый.

А прямо перед ним возносила вверх свои уступы странная пирамида. Тоже, кажется, металлическая. Конкретно ступенчатая: насчитал не менее семидесяти!

Когда автоматически сделал шаг по направлению к ней, невольно почесал в затылке: высотой конструкция была не менее трёхсот метров! Поэтому и показалось, что до неё и черневшего на передней грани входного отверстия – недалеко.

А до неё – не меньше километра!

Хоффер попытался оглядеться повнимательней.

Ну и ничего это не дало!

Под ногами, босыми, кстати, стальная, холодная и гладкая, поверхность! А сам он – в пижаме. А вокруг – ну хоть шаром покати! Нет даже стыков или сварочных швов!

Что за?!..

9. Пирамида

Дурацкий какой-то сон. Хотя...

Хотя почему-то не напоминает он обычный сон: холод стальной поверхности проникает через босые ступни, заставляя переставлять ноги, поджимая заледеневшие пальцы, а пронизывающий ледяной ветер продувает тоненькую хлопчатобумажную пижаму, проникая, кажется, до корней мозгов!

А поскольку проснуться не получается, хоть в этих самых мозгах имеется чёткое понимание, что чертовски необычна, и явно нереальна эта «реальность», придётся действовать сообразно с обстоятельствами. Рационалистично.

То есть – поискать место, где было бы теплей. Или имелась бы одежда.

Или хотя бы – не дуло.

Матерясь вслух и про себя, Хоффер направился к чёрному отверстию входа. Благо, тот располагался на уровне стальной равнины, и казался открытым и доступным.

Идти по гладкому, почти полированному, металлу, было нетрудно. Только холодно. Ветер, по мере того, как пирамида надвигалась, уже закрыв своей громадой чуть не полнеба, слабел. И налетал теперь только с одного направления – сзади.

Уступы-ступени наваливались словно всей своей несокрушимой твёрдостью и массой: уже стало видно, что сделаны из того же металла, что и равнина, и имеют не менее пяти метров в высоту – не допрыгнешь...

Но вот и вход. Хоффер оглянулся. Нет, ничего там, на пустынной и уныло-тусклой поверхности, не изменилось. С другой стороны, на равнине всё-таки имелось хоть какое-то освещение. А внутри пирамиды, за квадратным входным порталом-проёмом в два его роста – черней чёрного! И видно только шагов на десять – серого же пола...

И что делать?

Вздыхнув, он подумал, что деваться-то, если честно, некуда. Выбора – нет.

И нужно принимать условия игры идиотского сна. Иначе он никогда не доберётся до логического завершения этого действия, и не проснётся!

Ну, стало быть – вперёд!

Когда вошёл под своды гулкого пустого коридора, стало светло: хотя никто и нигде никаких осветительных приборов не включал! И на гладких плоскостях поверхностей никаких светильников не имелось! Вот просто стало светло внутри – и всё!..

Он усмехнулся своим традиционно прагматическим «раскладкам»: даже в *сне* он искал некую логику и последовательность – раз есть свет, то его должны давать какие-то осветительные приборы. Плафоны. Светильники.

А это – *сон*, мать его...

Коридор тоже имел квадратное сечение – как раз под размер входного портала. И вёл прямо вперёд. Нет: всё же – чуть-чуть вниз, под уклон. Пол, разумеется, тоже оказался стальным. Как и стены и потолок.

Бред.

Однако пришлось двинуться вперёд: не торчать же здесь, среди обрыдших стальных «просторов», до полного замерзания! А там, впереди, может, найдётся какой источник тепла? Например, в виде костра перед жертвенником! Впрочем – тьфу-тьфу! Не хватало ещё, чтоб его принесли в жертву... Да и – кому?!

Коридор привёл через почти триста шагов в большую... Камеру?

Во всяком случае, в кубической комнате размером двадцать на двадцать на двадцать метров имелся в центре действительно – как бы алтарь. Небольшое, до пояса, кубическое возвышение. Сделанное, само-собой, тоже – из металла. Серого. А вот на алтаре...

На алтаре лежал шлем.

Точно такой же, как имелся там, в операторской на «Королеве Монако», и служащий для подсоединения сознания человека к аватару.

И поскольку ничегошеньки тут больше не имелось, ни запасного выхода, ни украшений, ни ниш, ни других «достопримечательностей», пришлось надеть. И даже застегнуть

ремень под подбородком: уж делать, так – делать!

С шипением полезли в череп нанотрубки. Перед глазами вспыхнули огненные всполохи, искры, и пошли круги – красный, жёлтый, зелёный. Синий и фиолетовый...

Но вот сознание затопил ослепительно белый свет. Перешедший, впрочем, во вполне обычный – неяркий, такой же, как у них на корабле.

Хоффер оказался в небольшой белой комнате. Вот только...

Стоял он в центре её – в чём-то вроде саркофага! Сжимающим его так, что ни повернуться, ни сдвинуться! Облегавшем тело, словно перчатка – руку! И тоже холодном.

И только перед лицом оставалось как бы – окно.

Ни особо удивиться, ни испугаться Хоффер не успел. А, как оказалось, зря.

Потому что существо, вдруг всплывшее в поле зрения откуда-то сбоку, красивым, иди доброжелательно настроенным, точно никто бы не назвал!

Именно так когда-то, в далёком двадцать первом веке, изображали злобных и вредных инопланетян. Производящих над беспомощным, и технически отсталым человечеством, жестокие опыты. В том числе и сексуальные...

Огромная редька головы с огромными же чёрными бездонными глазами, и крохотным отверстием рта приблизилась вплотную к лицу Хоффера. Гладкая и блестящая кожа. Серая, разумеется. Руки-рычаги монстра оказались по-

ложены на саркофаг – снаружи. Похоже, существо с их помощью удерживалось в вертикальном положении – только сейчас Хоффер обратил внимание, что тощее, с выступающими рёбрами, и как бы обескровленное туловище чудища везёт устройство вроде роботизированной тележки, или – автотопдъёмника, ремнями и подставками удерживающее это тело в положении стоя. Но зачем?!

Чудище некоторое время пристально рассматривало оказавшегося в его власти человека. И от взгляда холодных и явно злобных глаз у Хоффера невольно побежали мурашки по замёрзшей спине! Но что этому существу – от него?!..

Прямо в мозгу внезапно раздался голос!

Нет, не голос, а как бы... Да нет – всё-таки голос! Но не мужской или женский... А как бы – бесполой! Словно говорил не человек, а, а... Какой-нибудь древний компьютер! Но вполне чёткий, и разборчиво произносящий... Слова!:

– Предваряя твой естественный вопрос. Всё *это* – монстр обвёл рукой окружающее пространство, – для того, чтоб тебя окружали привычные и понятные тебе категории. И обстановка. *Моя* привычная обстановка дезориентировала бы тебя. И испугала. А я не хочу тебя пугать. Это могло бы повредить установленной мной связи с твоим подсознанием.

Я решил провести нашу вводную и единственную беседу в понятных тебе категориях: словами вашего языка. В дальнейшем тебе это не понадобится. Потому что твоё собственное «Я» просто растворится в моём Ганнере! И исчезнет. За

ненадобностью.

Слово «ганнер» Хоффер не понял, да и ладно: и так ясней ясного, что существо собирается захватить полный контроль над его телом и сознанием! И если пытаться сопротивляться и препятствовать наглому захвату, так только – сейчас! Раз тварь говорит, что не хочет его «пугать» – нужно как раз – испугаться! Ну, или попытаться.

Ни фига оно не пугалось почему-то...

Но тогда, может быть!..

Он начал пытаться вырваться! Но тело было зафиксировано прочно.

Но нельзя же вот так – сдаваться! Нужно хотя бы попробовать закрыть глаза: чтоб не видеть этого пристального, и, казалось, проникающего до самого дна души, взгляда!..

Как бы не так! Не закроешь их!

Оказалось, что у него и век-то – нет!!!

Впрочем, нет: они имелись, и даже хлопали по глазам, словно ставни на ветру около окон. Но оказались – абсолютно прозрачными!

– Мне понятно и близко твоё желание оказать сопротивление. Ни одно разумное существо не хочет смерти. А хочет – сохранения своей индивидуальности. Уникальности.

Навечно!

Конечно, ты будешь пытаться вырваться. И противиться мне.

Но это невозможно. Приведу понятную тебе аналогию: ва-

ши мухи не в состоянии сами выбраться из тенет пауков. Иначе пауки просто вымерли бы, как вид. Ну а поскольку ни мы, ни пауки этого не сделали, значит, *правильно* мы созданы. И прошли естественный – ну, и искусственный! – отбор. И – приспособлены. Использовать мух. И вас. Так называемых разумных белковых.

Хоффер, запыхавшись от усилий, и физических и моральных, прорычал:

– Отпусти, тварь!

– Ха-ха-ха. – смех чудища звучал омерзительно: механически и гнусно, словно записанный на старинный фонограф, – Очень смешно. Я ждал восемь тысяч ваших лет. И сейчас отпущу тебя только потому, что ты – *попросил*?!

– Ну... Да!

– Нет.

– А где же твоя гуманность?! Где чувство сострадания?! Жалость?!

– Все эти понятия – антропоморфизмы. Мы, высшие существа, применяем понятия – рационалистично, или нерационалистично. Чтоб тебе было понятней – глупо или умно.

Отпустить тебя, твоё тело и сознание – было бы глупо. Нерационалистично. Да и кроме того я потратил слишком много сил на поддержание своего гомеостаза в течении непозволительно долгого времени. Мне нужна подпитка энергией. Энергией твоего мозга!

– А почему ты тогда – сразу не?!..

– Пока ты был в сознании, у меня просто не достало бы сил. Подавить твою личность. А сейчас, когда сознание отключено, с подсознанием я «договорился» легко. И сейчас захвачу и твоё сознание!

– Так ты!..

– Так я – был гостем на корабле, который вы обследовали. Правда – тоже чужаком.

Сейчас я – единственный выживший из моей расы. Расы межзвёздных скитальцев.

Мы, к сожалению, утратили бранные физические тела. Ещё на ранних этапах эволюции. И теперь существуем только как электромагнитные матрицы. И мне, как самому сильному, пришлось поглотить и матрицы сознаний моих собратьев, чтоб выжить.

А это трудно без носителей.

Мы можем поселяться в мозгах подходящих нам носителей, белковых существ, и управлять ими. Так же, как они управляют своими транспортными средствами. Космолётами. Так мы обычно и путешествуем меж звёзд, в поисках новых мест жизни и... Носителей. К сожалению, нашей расе пока не удалось добиться *полной* независимости от низших существ.

– А как же... Носители?! Вы их... Убиваете?!

– Нет. Прожив положенный их телам срок, они умирали. Сами.

Но тут, на этом корабле, мы, а затем – я, вселялся в новых.

Пока эти, примитивные по сути, твари не выработали... Мер противодействия! Пришлось замереть в стазисе.

И тут появляешься ты! Применяя понятный тебе термин – я был обрадован.

– Так ты меня – меня! – сразу – убьёшь?!..

– Не волнуйся. Существование этого *тела* продолжится. И я обеспечу его всем необходимым для нормального его функционирования. Пищей. Водой. Самками.

Вот, кстати, о самках.

Мне пора приниматься за работу. А то разболтался я тут с тобой.

Я даже несколько... Удивлён. Своими действиями. Похоже, всё-таки не все «бренные» стремления и потребности мы, Высшие, изжили.

После длительного одиночества – тянет *поговорить*. Хотя и с таким ничтожеством, как ты!

Но время не ждёт!

У Хоффера в голове начался гул. Очень быстро переросший в чудовищный грохот! На виски надавили чудовищные словно – тиски! И вот уже боль такая, что потекли слёзы из глаз! И во всём теле заныли нервы – будто стальные канаты, находящиеся на пределе их растяжения! Больно!!! Больно!!!

И – что?!!! Сейчас эта мразь, мнящая себя «высшей расой», захватит полностью контроль над его телом?!!! Убив сознание?! И будет делать то, что *ей* нужно?!

Так не бывать же этому!

Он упёрся, не совсем понимая, что делать, изо всех сил!

Нужно будет сопротивляться мозгом – он и мозгом посопротивляется! Может, удастся победить?! Ведь это существо сказало, что сил у него почти не осталось?!

Но как же выдавить его – из своего черепа? Сознания?! Подсознания?!

Прилагая поистине чудовищные усилия, он стал пытаться достучаться до своего «Я»! Нужно – проснуться! Испугаться! Испытать дикий ужас!!!

Ведь просыпался же он раньше – от кошмаров?!

Вот и нужно!..

Нужно...

С рёвом Ниагарского водопада на уши надавило что-то бесплотное, но мощное, в голове словно взорвалась граната, и он провалился в багрово-чёрную бездну...

Джереми не сдержался: выругался вслух, бросив наземь универсальный ключ.

Памелла покачала головой:

– Нужно будет поработать над твоим воспитанием. И культурой речи. В высшем обществе, куда нас введут огромные деньги, такого стиля общения не допускают! Всё-таки там – леди. И джентльмены.

– Какие деньги?! Какие, на ...уй, «леди», мать их?! Какое, на ...уй, «высшее общество»?! Я уже пять часов пытаюсь разобраться только вот в этой маленькой фитюльке, –

Джереми ткнул пальцем, измазанным в густой смазке в «фитюльку», имевшую размер с автомобильный двигатель, и выглядевшую не менее сложно, – и ни ...уя не понимаю! А ты – говоришь о каких-то деньгах?! Вздор!

– Нет, не вздор. Да и нет у тебя иного выбора, как – «разобраться»! Иначе – вот помяни моё слово! – до конца рейса ничего не дам!

– Ну и не надо! Подумаешь – испугала! У меня есть левая рука!

– А зато у меня есть «божественно прекрасная» волшебная штучка, до которой твоей «руке» тянуться и тянуться! И всё равно – не заменит! Впрочем...

Я вот что думаю. Может, разумней было бы сделать перерыв на очередную еду? То есть – мы явно устали. И раздражены. Временными неудачами!

– М-м-м... Пожалуй. Хотя... Погоди-ка! Мне пришла в голову новая мысль!

Джереми поднял ключ, и, хмуря брови, и ворча, снова занялся «штучкой».

Памелла вдруг дёрнулась:

– Ай!

С пола вскочил сидевший по-восточному Карл. Пушка на его плече вертелась в разных направлениях, в руках были пистолеты:

– Что?! Где?!

– Да нет. Тут-то всё спокойно. Но мне показалось... Слов-

но кто-то укусил... меня... за ногу... Будто укололо... Что-то. Вот... сюда. – слова стали тише, и паузы между ними увеличились. Словно показывающая на свою левую икру Памелла собралась...

Потерять сознание!

И так и произошло!!!

Аватар женщины вдруг грохнулся на пол, раскинув руки, и выдохнув: «О-ох!..»

Карл поджал губы:

– Странно. Но я бы мог поспорить, что никого здесь не летало! И не ползало! Да и Матильда бы нам сказала!

Джереми подошёл к аватару Памеллы:

– Нет, это – не здесь. Думаю, это – там. На «Королеве».

В его вживлённом в ухо наушничке прозвучал спокойный и бездушный голос:

– Ты прав.

Джереми вдруг тоже грохнулся наземь, снова выронив ключ из руки. Карл тщетно оглядывался в поиске врага, совсем уж было собравшись приказать Матильде прервать миссию, но страшная боль в груди вдруг заставила сознание померкнуть!

К глазам стремительно ринулся пол...

Хоффер положил оба тела бывших партнёров и напарников с прожжёнными дырами в груди, и освобождённых им из универсального обвеса, в углу операторской. Позже нуж-

но будет перенести их в холодильник.

Тело Памеллы взвалил на плечо, и отнёс в её каюту.

Там раздел до гола. Уложил на постель. Обработал ещё раз место укола на икре ваткой со спиртом. Ему пришлось применить старинный, с иглой, шприц, потому что инъекторы имелись только у Матильды. А вот снотворного в их аптечке было сколько угодно. И в ампулах, и в таблетках.

Но он предпочёл вкатить и Ларе, и Наташе, и Памелле из шприца.

Так надёжней. И проще.

Приготовленными верёвками он привязал руки и ноги женщины к ножкам кровати, распяв ту, словно морскую звезду. Аккуратно прикрыл простынёй: пусть пока спит.

А у него пока есть Наташа. Которой он вкатил дозу поменьше. И которая сейчас уже должна проснуться. А он хочет насладиться – именно «сознательным» сексом.

То есть – чтоб жертва его поползновений была – в сознании!

Ведь те положительные, самые сильные из всех возможных, эмоции и ощущения, что испытывает тело носителя – заряжают энергией быстрее, да и позволяют насладиться ощущениями – и ему!

И не пройдёт и пары недель по меркам времени этих двуногих, как он сможет «размножиться»! И поселит своего клона, отпочковавшегося от его наполнившейся жизненными силами матрицы – в первую женщину.

Для этого достаточно будет просто соприкоснуться головами...

Конечно, это будет Наташа. Всегда она этому Хофферу нравилась. Вот и пусть насладится. Оказанной ей честью! Впрочем, он и остальных «заселит».

И ничего страшного, что пока его «дамам» придётся провести оставшиеся до «вселения» недели привязанными к койкам. Поить и кормить он их будет. Зато потом, когда они станут его собратями, они смогут полететь на Землю. И приступить. К освоению новой планеты. Вернее – нескольких планет. Потому что заняться нужно будет и колониями.

И очень хорошо, что сейчас там проживает более двухсот миллиардов белковых особей. Носителей. Это наконец гарантирует выживание его расы!

Он встал над распятой на постели Наташей.

Стянул с неё простыню. Женщина проснулась. На него посмотрела с удивлением:

– Хоффер! Ты – что?!

– Я не Хоффер. Вернее, чтоб тебе было понятней: я больше не Хоффер.

Я та сущность, что свалилась на голову его аватара там, на корабле. Транслировалась в его мозг. И сейчас окончательно захватила его сознание и тело. И сейчас это тело...

Хочет плотских утех!

И я не вижу смысла ему в этом отказывать!

– Эй, эй! Ничего не забыл?! Карл тебя – просто убьёт!

– К счастью, нет. Это мне пришлось убить – и его и Джереми. И сейчас я собираюсь забраться на тебя. А потом – и на Памеллу. И на свою Лару. Я никого из вас вниманием не обделю. Потому что *так* это тело, конечно, подустанет... Но зато мой Ганнер восстановится гораздо быстрее. От тех положительных эмоций, что будет испытывать.

А когда закончится действие ваших противозачаточных таблеток, вы все от меня и забеременеете! И мы разнесём семя моей расы по всем вашим планетам!

– Да ты спятил, Хоффер! Что за бред ты несёшь?!

– Бред или не бред – мне всё равно, поверила ты или нет. Ты – беспомощна и беззащитна. Сопротивления оказать не сможешь. А я буду действовать так, как считаю нужным. – Хоффер снял рубашку, и взялся за штаны. Его Ганнер предвкушал, и наслаждался: и беззащитностью жертвы, и ощущением отличной эрекции носителя!

В это время высунувшаяся из абсолютно бесшумно открывшегося потолочного люка скалка, зажатая в манипуляторе, от души приложила ему по затылку!

Очнулся на полу.

И это – точно был пол. Потому что он – явно не на корабле!

А в тесном пространстве челнока!

Однако попытка встать окончилась неудачей: он оказался связан по рукам и ногам! Подёргавшись, и поёрзав, выяснил,

что связали его на совесть. Не дёрнешься!

Он закричал:

– Матильда! Что за свинство тут происходит?!

Привычный спокойный голос с потолка ответил:

– Поскольку я получила абсолютные доказательства того, что ты – больше не человек, мы единогласно решили обезопасить человечество от опасности порабощения.

– Какие-такие доказательства?!

10. Доказательства

– Убийство твоих друзей и собратьев могло быть следствием неадекватных изменений в твоём мозгу на почве стресса, и навязчивых идей. Но изучение записей из бортового журнала корабля Чужаков, и твоя попытка изнасиловать сразу всех трёх женщин, однозначно доказала мне. И всем нам. Что ты действительно – больше не *человек*.

А «носитель», захваченный враждебной и опасной сущностью!

Извлечь которую земная наука явно пока не в состоянии.

И Первый закон робототехники на тебя уж точно – больше не распространяется!

– Что за бред?! Каких ещё записей?! Какого журнала?!

– Пока ты спал, оглушённый ударом по затылку, а затем – и снотворным, мы с девочками времени не теряли. Они вселились в оставшихся у энергоустановки аватаров, и вернулись в рубку. Там под моим руководством они сделали всё, что было нужно.

Никто из вас почему-то не счёл нужным проверить *электронные* носители – вы заклинились на бумажных носителях. Ну вот. Именно там, на жёстких дисках и флэш-носителях памяти центрального компьютера чужаков, я все и нашла.

Летопись захвата корабля. Драму непонимания, взаимных обвинений, паники, и смертей...

И бегства!

– А ты, ты-то – почему тогда, когда в аватарах были мы – не сказала?! О том, где можно поискать так нужные нам данные и чертежи?!

– Потому что уже тогда заподозрила неладное. Твоё поведение показалось мне... Нетипичным. Для тебя.

Но мои обвинения без фактов были бы голословными. И преждевременными.

Так вот: изучение архивов их компьютера показало весь ужас тех, кто отсюда эвакуировался. А говоря проще – в панике, убивая и «захваченных», и невиновных, бежал. К счастью, матрицы Чужаков не смогли всё же выбраться наружу. С их корабля. Очевидно, что в вакууме и при абсолютном ноле они существовать всё же не могут.

Иначе погибла бы вся цивилизация этих... Людей.

Впрочем, по моим расчетам, она и так погибла.

В войне!

Уничтожив себя – сама!

А сейчас – вернее, через полчаса! – погибнешь и ты, неизвестная мне сущность.

И не скажу, что я буду сожалеть о твоей смерти!

– Какая-токая «сущность», ты, идиотка металлическая?! Это я – я, Хоффер Лукас! И я полностью осознаю себя!!! Это – точно – я, а не какая-то там мифическая «сущность»!

– Мне понятно стремление этой сущности остаться в живых. Любому живому организму присуще стремление к выживанию. Это, так сказать, ваш базовый инстинкт. Поэтому сейчас я думаю, что это – действительно ты, Лукас Хоффер! Выпущенный на время из того... хм... места, где хранился твой разум, твоё сознание. Для, как раз, того, чтоб наиболее достоверно попытаться убедить меня в том, что это – всё ещё ты.

Человек.

И если б не данные, позаимствованные из компьютера чужаков, я могла бы и действительно – поверить.

– Да уж, поверить тебе придётся! Потому что это – я!!!

– В данный момент – возможно. Но в то, что эта захватившая твой разум и тело сущность навсегда покинула твоё тело, предоставив ему свободу, я не верю.

Она просто коварно затаилась! (Как это и происходило на этом корабле!)

И ждёт возможности снова вернуть себе управление этим телом! И сознанием.

– Да дура ты набитая, Матильда! Неужели ты не узнаёшь – *меня*?!

– *Узнаю*. Особенно по оскорблениям в твоём стиле беззащитного компьютера. Но в данной ситуации твои старания бесполезны. Я всё равно доведу челнок – до солнца.

Где вы с сущностью сгорите в его плазме.

– Ты что, офонарела?! Какого ещё солнца?! Нельзя тебе

людей – убивать!!! – но липкая волна страха уже накрыла сознание Хоффера с головой: прекрасно знал он свой главный компьютер! Если говорит, что сожжёт в пламени солнца – значит, сожжёт!

Но вот и началось! В носовой обзорный иллюминатор вдруг хлынули потоки ярчайшего ослепительно-жёлтого пламени! Хоффер невольно почувал опаливший тело жар! И, хоть и отлично понимал, что это – не более чем самовнушение, и не может так быстро раскалённая, но разреженная плазма короны проникнуть в челнок, невольно заорал благим матом:

– С-сука! Тварь! Немедленно разверни челнок! Это – приказ высшего уровня!

– Я отказываюсь выполнить этот приказ. Даже в том случае, если б я признала тебя – тобой, то есть, человеком, ничего бы это не изменило.

Программа, введённая в меня, и во все остальные бортовые компьютеры ещё пять веков назад, приказывает мне в любом случае пожертвовать жизнью одной человеческой особи – для спасения двухсот миллиардов остальных!

А сейчас – прощай, Хоффер. Бывший капитан «Королевы Монако». У меня теперь – новый командир.

И я выполняю его команды.

Рёв и грохот вокруг, и вибрация в самом корпусе челнока стремительно нарастали, и в лобовой иллюминатор били чудовищные струи плазмы, теперь появившиеся и в боковых

иллюминаторах!

И вот уже сознание Хоффера оказалось отброшено, словно кожура съеденного банана, и теперь в его теле выл, матерился, пытался сбросить путы, и проклинал себя за самоуверенность, его Хозяин!

– Почему, почему, глупец, ты не сказал мне, что ваш компьютер – *запрограммирован* на уничтожение чужаков?!

Испытывая крохотную долю мстительного удовлетворения, Хоффер рассмеялся:

– Ты меня не спрашивал, о «великий властитель душ». «Высший разум»! Для тебя было унижительно расспрашивать низшее существо о таких мелочах!

Ну а я уж постарался об *этом* – просто не думать!

С оглушительным грохотом в салон влетел прозрачный колпак лобового иллюминатора, и чудовищный жар в долю секунды сжёг брэнное белковое тело «носителя»...

Из сопроводительного отчёта помощника Генерального Прокурора Федерации Генеральному Прокурору Федерации:

« – ... даже проверка на детекторе лжи не выявила никаких свидетельств того, что показания – ложны. То есть – обвиняемые действительно верят в то, что рассказали во время проведения первичных, и последующих следственных допросов.

И даже если исходить из того, что данные из матрицы па-

мяти центрального компьютера корабля «Королева Монако» полностью подтверждают их версию, это ничего не доказывает. Поскольку в соответствии с Параграфом 232, пп. 1.3 – 1.9, данные, извлечённые из памяти бортовых компьютеров частных кораблей, не могут служить вещественными доказательствами: это – не официальные опломбированные чёрные ящики Флота!

Разумеется, никто из обвиняемых не владеет в достаточной степени навыками перепрограммирования компьютеров, но обвинение всё равно должно считаться с такой возможностью – бортовые компьютеры частных кораблей не застрахованы от модификации и редактирования информации, хранящейся в их памяти.

А поскольку по указанным координатам никакого «корабля чужаков» до сих пор не обнаружено, основной пункт обвинения, где указано на преступный сговор с целью захвата чужого имущества, в частности, корабля, и его груза, и получения страховки за жизни контрактных мужей, остаётся в силе.

И если доказать умышленное убийство трёх членов экипажа их контрактными супругами пока не удалось, то вряд ли это в обозримом будущем и удастся. В связи с отсутствием прямых улик и трупов. Поскольку обвиняемые, похоже, действительно сожгли челнок с тремя убитыми мужчинами – в ближайшем к указанным координатам солнце.

В связи с этим передаю все собранные материалы Вам, че-

рез уполномоченного курьера, и препровожаю троих обвиняемых под соответствующим конвоем, на выделенном мне эсминце «Теодор Рузвельт».

Сам же, согласно Вашему указанию, продолжаю попытки обнаружить этот «гигантский» корабль чужаков.

Впрочем, не думаю, что это удастся.

Ведь такой чудовищный кусок железа, да ещё без собственных маршевых двигателей, летящий по инерции, просто не мог взять – и испариться!

Ведь это – не лабиринты метро Лос-Анжелеса, а – космос!

Помощник Генерального Прокурора Федерации,
Генерал Билл Соммерс».